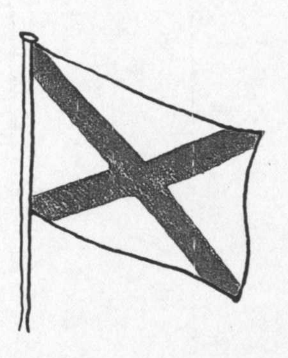
С. ДОРОЖИНСКАЯ-КУРИЛЛО

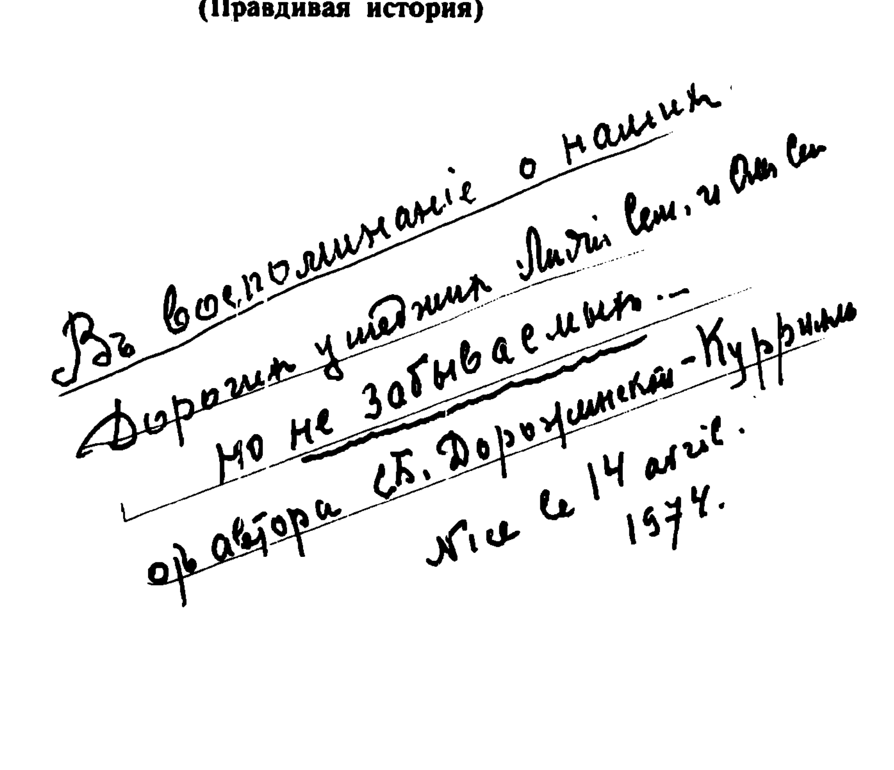
ВОСКРЕСШИЙ «ВАРЯГ»

С. ДОРОЖИНСКАЯ-КУРИЛЛО

ВОСКРЕСШИЙ «ВАРЯГ»

(Правдивая история)

Мадрид, 1974

Эта книга издается с

единственной целью сохранить навсегда

память

о доблестном Российском ИМПЕРАТОРСКОМ

ФЛОТЕ

и о его героях.

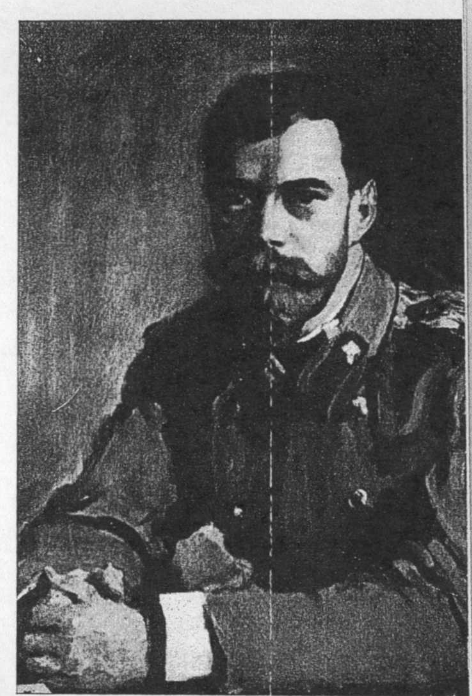
ISBN 84-399-1962-X

Depósito legal: M. 2.550 - 1974

Printed in Spain - Impreso en España por

Talleres gráficos de Ediciones Castilla, S. A.
Maestro Alonso, 21 - Madrid-28

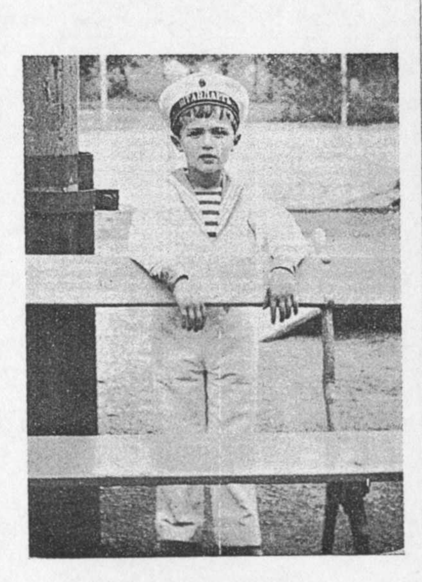

Государь Император
Николай Александрович

Государыня Императрица
Александра Федоровна

Наследник Цесаревич
Алексей Николаевич

ПОДВИГ «ВАРЯГА»

Это было в феврале 1904 года. Два корабля русского военно-морского флота — четырехтрубный крейсер «Варяг» и небольшая канонерская лодка «Кореец» — оказались блокированными японской эскадрой в нейтральном порту Чемульпо. Командующий японской эскадрой адмирал Уриу рассчитывал, что русские моряки не отважатся начать неравный бой и предложил им сдаться.

— Русские в плен не сдаются — ответил командир «Варяга» Всеволод Федорович Руднев.

Он сделал попытку спасти боевые корабли — можно было выйти в корейские воды, под прикрытием нейтральных кораблей, находившихся тут же в порту. Однако командиры иностранных судов отказали русским в поддержке. Ждать помощи было неоткуда.

Тогда Руднев принял решение идти на прорыв. Под боевым флагом вышел в море красавец «Варяг». За ним следовала канонерская лодка. Набирая скорость, корабли уверенно шли вперед, туда, где на горизонте вырисовывались силуэты японской эскадры. Вода вокруг крейсера закипела от бесчисленных разрывов снарядов. Но «Варят» шел вперед и вперед. Наконец заговорили и его орудия. От залпов русских моряков взлетел на воздух кормовой мостик на крейсере «Азима», была повреждена кормовая башня. Дым разрывов поднялся и над другими кораблями противника.

Неравны были силы. На палубе «Варяга» бушевал огонь. Вражеские снаряды рушили надстройки, ос-

колки поражали людей, одно за другим замолкали орудия. Но на место убитых становились новые герои. Раненые не покидали своих постов. Крейсер яростно отвечал на огонь противника. Когда японский миноносец попытался атаковать израненный корабль, русские комендоры быстро отправили его на дно. Однако с каждой минутой «Варяг» получал все больше повреждений. В момент поворота крупный снаряд пробил борт и «Варяг» получил крен.

Когда крейсер и канонерская лодка вернулись на рейд, при осмотре стало ясно, что исправить повреждения не удастся. Руднев приказал затопить корабли.

Так окончился неравный бой, в котором японцы, несмотря на огромный перевес, не смогли победить русских моряков. По всему миру разнеслась весть о славном подвиге «Варяга».

Этот подвиг, воспетый в песнях, навсегда сохранится в памяти русского народа, как образец отваги, бесстрашия, верности своему воинскому долгу и любви к Родине.

Наверх вы, товарищи! Все по местам!
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.
Все вымпелы вьются, и цепи гремят,
Наверх якоря поднимают.
Готовьтеся к бою! Орудия в ряд
На солнце зловеще сверкают.
Свистит и гремит, и грохочет кругом.
Гром пушек, шипенье снарядов.
И стал наш бесстрашный и гордый «Варяг»
Подобен кромешному аду...
Не скажет ни камень, ни крест, где легли
Во славу вы русского флота,
Лишь волны морские прославят вовек
Геройскую гибель «Варяга».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«...И белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть — увы! нельзя
И позабыть что — невозможно!»

На днях, перелистывая старые русские журналы, мне бросилась в глаза статья под названием: «Варяг и Кореец». Сколько воспоминаний нахлынуло на меня при слове «Варяг»...

Старая Россия... Геройский подвиг этих двух кораблей вызвал патриотический энтузиазм во всей стране и люди моего поколения, конечно, хорошо его помнят. Тогда еще никому не мерещился грозный «исторический» кризис, переживаемый моей дорогой Родиной и до сих пор.

Никто не предвидел **УЖАСА** страшных дней крушения 300-летнего царства Романовых; никто не знал, сколько людей переживет глубокие, тяжкие, душевные переломы, сколько погибнет талантливых, образованных, тонкокультурных людей во взбаламученных волнах революционного моря! Никто не знал, какая наступит невозможно-мучительная катастрофа родной истории и культуры... Культуры Пушкина и Петра Великого! Катастрофа, которая разбросает, разметет бесповоротно всё, чем мы жили до сих пор... И хочется воскликнуть вместе с Ремизовым:

«Пришла великая беда...
Все несчастны. Тяжко стало на родной земле.
Родина моя! Душа изболела. Если бы были
Такие могилы, куда клали бы живых, — я бы лег».

И мучит постоянный вопрос: почему это все так случилось? Есть ли ключ к разрешению этой загадки? И всех жизненных загадок? Разгадать будущее, найти способ «предугадывать» его? Падают в вечность дни, события, индивидуальность, мысли, истории... и сознание какой то неизбежности родится в глубине души... Древние философы говорили:

Неизбежность — СУДЬБА.

Судьба — это сила, которая управляет нами, которая нам указывает дорогу, а не мы сами меняем её произвольно.

Человек **должен** идти по тому пути, который **ему предназначен.** Мы не должны идти вразрез с велениями судьбы — иначе будет — горе! Если русло великой «реки жизни» направляет твои стопы в новую сторону — то **напрасны** все твои усилия и старания вернуться на старую дорогу.

Здесь уместно вспомнить Паскаля и его любимого философа Эпиктета, который больше других проповедывал «покорность судьбе» и готовность **безропотно** принимать посылаемые ею все трудности жизни. И еще прежде Плотин, философ, которому даже наша современность отводит лучшее место в Пантеоне Великих Искателей Истин — Плотин призывал к безупречному исполнению ВЫСШЕГО ДОЛГА (т. е. по его — Судьбы) и говорил, что лишь при этом условии упадут в конце концов преграды, отделяющие душу от ВЫСШЕГО МИРА, а мы понимаем, что достигнет она тогда «чуда» последнего своего **освобождения** и — **ЕДИНЕНИЯ С БОГОМ.**

Неисповедимы пути Промысла, управляющего судьбами народов, точно так же, как и судьбой отдельных личностей. **ВЕЛИКИ И НЕИСПОВЕДИМЫ.** Но хочется верить тем, которым уже многое «открылось» и которые говорят, что «пути эти» (КАК у

Шмелева — «Пути небесные») ведут народы к одной, строго определенной цели — **ко благу;** ведут так, что эти пути шествующим по ним подчас кажутся жестокими и несправедливыми испытаниями, но говорят тем (которым уже открылось), что если бы для «шествующих» возможно было бы поднять хотя на миг завесу, скрывающую от них будущее, взглянуь за нее, они были бы несказанно «восхищены» и исполнились бы решимости перенести **всё, решительно всё** ради этого **светлого будущего.**

Признавая правильность прежних философских суждений, мы также говорим: всё — **тайна** вокруг нас и зачем **бесполезно** стараться проникнуть в те глубины, которые человеку **не** открыты... понимая, что высшая мудрость состоит в том, чтобы **всецело подчиниться Воле Божией** (у древних Рок — Судьба). Лишь только при этом условии — **добровольного, спокойного подчинения** мы найдем душевный покой.

Но возвращаюсь к истории «Варяга»; нельзя не вспомнить и всю историю доблестного Российского Военного Флота, особенно мне — если можно так сказать «стопроцентно» принадлежащей к Русскому Флоту, т. к. еще мой прадед был морским офицером, затем мой дед был тем же на защите севастопольских бастионов, за что и был награжден и Георгиевским крестом и Георгиевским золотым оружием; мой отец, мой брат, почти все дяди и кузены все принадлежали флоту и для меня родной Андреевский флаг является самым близким и дорогим из знамен.

Русский Военный Флот был создан державной волей Петра Великого. И Феофан Прокопович в «Слове о Петре Великом» говорит:

«А еще бы — ничто же было прочее, — един флот был бы доволен к Бессмертной Славе Его Царского Величества».

Петр Великий пожаловал флоту **Андреевский флаг,** который должен был служить **эмблемой** морского величия России, являясь вместе с тем и **знаменем корабля.** В 1693 году Петр Великий с тремя судами вышел 8 августа в Белое море и впервые увидел океан.

В 1702 году, 27 августа — первая МОРСКАЯ ПОБЕДА над шведами.

В 1704 году, 27 июля молодой флот уже одержал **большую** победу над шведами.

В 1716 году, 5 августа собралась эскадра из 4-х судов. К концу царствования Петра во флоте было **48 кораблей** и до 1.000 других судов и вымпелов под общим командованием.

Петр Великий хорошо понимал значение моря для страны и приложил все усилия для создания флота. Он одержал первую русскую морскую победу (Гангут) под именем Петра Михайлова и этим положил начало для России как Великой Морской Державы.

А потом, при праздновании Ништадтского мира **проволок** линейный корабль по улицам Москвы для того, чтобы русские люди узнали — что такое корабль военного флота.

Ширилась и крепла Россия, также развивался и ее флот. В его истории прошла славная плеяда знаменитых флотоводцев и никогда в русской памяти не **изгладятся их имена:** Апраксин, Грейг (победа над шведским флотом), Лазарев, Корнилов, Нахимов, Чичагов, Ушаков (победа над турецким флотом у Конакрии 3-го июля 1791 года), Бутаков, Макаров Эссен, Эбергардт, Колчак и другие адмиралы, морские вожди. Много побед было одержано ими, и всегда, и в дыму, и в огне, под грохот орудий, свист ядер и разрывов снарядов и мин, **Андреевский флаг** гордо развевался на мачтах, напоминая заветы Ве-

Верховный Правитель адм. А. Колчак

Корабли Рос. Имп. Флота в Севастополе и «Варяг»

ликого Основателя Русского флота. Гангут, Гогланд, Ревель, Чесма, Конакрия, Корфу, Афон, Наварин, Синоп и т. д. — какие блестящие, красивые страницы! Нельзя счесть всех подвигов, свершенных русским флотом, которыми он завоевал себе почетное место в ряду других держав: бриг «Меркурий», корабли «Азов» и «Императрица Мария», пароход «Владимир», катера на Дунае, крейсер «Новик», миноносцы: «Стерегущий», «Страшный», «Буйный», и «Громкий», крейсер «Рюрик», броненосцы: «Суворов», «Бородино», «Император Александр Третий», «Адмирал Ушаков» (адмирал Нельсон с английскими адмиралами отдавали должное таланту Ушакова и доблести его эскадры), крейсера: «Дмитрий Донской», **«Варяг»**, «Светлана», канонерские лодки: «Сивач», «Храбрый», «Новик», миноносцы: **«Дерзкий»**, «Пронзительный», подводные лодки и еще целый ряд других примеров **ГЕРОИЗМА** хранит русская морская летопись, но и многих ТРАГИЧЕСКИХ моментов **самоотвержения и исполнения долга** был свидетелем Андреевский флаг.

18 ноября 1898 г. благодарное отечество возвело в Севастополе памятник своему национальному герою **Адмиралу НАХИМОВУ.** Герой Наварина, Синопа и Севастополя в одиночестве стоит теперь посреди площади, перед рейдом, на котором **больше не вьется** родной Андреевский флаг. А может быть нет уже и этого памятника?

Нет в родном Севастополе больше Андреевского флага; там, где он так гордо всегда развевался, теперь вместо него — красное полотно, флаг цвета **крови,** гражданской войны, пыток и измены... Что же это — смерть? Для этих корабельных остовов — да, смерть. Но для флота — только летаргический сон... Как горько, когда броненосец «Севастополь» превра-

щается в «Парижскую Коммуну», «Петропавловск» в «Марата» и другие корабли в «Якова Свердлова», «Карла Либкнехта» и. т. д. **Но придет пора и возродится флот!** Тогда на мачтах его снова будет торжественно поднят и взовьется, колыхаемый ветром, БЕССМЕРТНЫЙ белый с синим наискось поперечным **крестом славный Андреевский флаг!** Так мы верим!

Во время русско-японской войны, неожиданное несчастье разразилось над русским флотом. Японцами был нарушен кодекс международного права — неожиданной бомбардировкой Порт-Артура. Затем, 31 марта 1904 г. японский флот снова начал бомбардировать Порт-Артур. Командующий русским флотом, адмирал **Макаров,** решил принять бой и вышел в море. Натолкнувшись на сильную японскую эскадру, адмирал Макаров вернулся обратно, но неожиданно на броненосце «Петропавловск», на котором находился Командующий флотом, раздался взрыв и корабль **в две минуты** исчез под водой, **наскочив на минное заграждение.** В это же время броненосец «Победа» получил минную пробоину и поспешно вошел в гавань. За ним последовали остальные суда. Адмирал Макаров и весь состав броненосца «Петропавловск» погиб за исключением 50 человек. Погиб там же знаменитый художник Верещагин, а среди чудом спасшихся находился Вел. кн. Кирилл Владимирович.

«Варяг» же под командой капитана 1-го ранга **Руднева,** участвовал в бою 27 января 1904 г. у Чемульпо. После боя, по возвращении «Варяга» на рейд, команда была свезена на берег, а на крейсере **открыли кингстоны,** после чего, раненый во многих местах, «Варяг» окончательно погрузился в воду...

Французские крейсера «Паскаль» и «Эльба», находившиеся там же, доставили офицеров и команду «Варяга» в Шанхай и Гонг-Конг и отсюда офицеры и

Вице-адмирал
Степан Осипович Макаров

Канонерская Лодка «Кореец»

команда были отправлены в Россию с условием **НЕ ПРИНИМАТЬ** участия в дальнейших военных действиях. По возвращению на родину, командир удостоился представления Государю Императору и был **награжден**, как и все его офицеры, орденом Св. Георгия 4-й степени, а вся команда знаками отличия Военного .ордена и **специально** выбитой медалью в память боя «Варяга» и «Корейца».

Потом, через много лет, после упорных подводных работ, японцам удалось **поднять крейсер «Варяг»** («Кореец» же был взорван).

В этот период героического боя и гибели «Варяга», я была маленькой девочкой с двумя толстыми косичками за спиной и тоже научилась, как и все, петь знаменитую песню о «Варяге», которую пела тогда вся Россия. Маленькие реалисты и гимназисты, размахивая палками, как воображаемыми ружьями и неся торжественно впереди подобие Андреевского флага, белого с синим крестом наискось, распевали:

— Врагу не сдается наш **гордый «Варяг»**
Пощады никто не жел-ла-а-ет! —

и горничные Маши и Даши, быстро бегущие в лавочки, тянули тот же напев: извозчики, полузамерзшие в своих пустых санках в ожидании пассажиров, мурлыкали себе под нос всё ту-же песню: «Товарищ, я вахту не в силах стоять, сказал кочегар кочегару» и. т. д.

Вскоре после этого события, приехал из Морского Корпуса домой в отпуск мой брат Николай. В нашей большой квартире, которую мой отец имел от Морского Ведомства в г. Николаеве, была отведена внизу зала, в ней было царство моего брата и его товарищей, морских кадет. Они понастроили

множество моделей — чудесных маленьких военных кораблей: броненосцев, крейсеров, миноносцев, подводных лодок, катеров и т. д. и для выполнения «морской игры» ими была положена по всей длине большого зала карта, разделенная на нумерованные квадраты, в которых каждый противник по своим «секретным» записям расставлял минные заграждения и т. п. Игра эта была чрезвычайно увлекательная и кадеты проводили возле нее все дни.

Прочла на днях в книге Новикова-Прибой — «Цусима» интересную вещь, что военно-морская игра, которой мы так увлекались в детстве, во время «Цусимы» была изобретена мелким шотландским чиновником Джоном Клерк, который не имел **никакого отношения** к морскому делу. Во второй половине 18-го века англичане 30 лет подряд терпели неудачи в морских сражениях и недоумевали почему? Моряков обвиняли в трусости, некоторые адмиралы пошли под суд и были расстреляны, а причина неудач не была установлена специалистами и знатоками военно-морского дела. Общественное мнение бурлило. И вот простой человек, никогда даже раньше не плававший на корблях, додумался и нашел причину и дал возможность Англии установить свое морское владычество. Джон Клерк, в порыве оскорбленного патриотизма, решил, во что бы то ни стало, **найти** эту причину: он устроил у себя на столе морскую игру — на подобие шахмат — настроил маленьких корабликов, сделал карту с квадратами и вычерчивал разные схемы, применяя методы, законы и приемы морского боя, построения судов в боевом порядке и т. д. и пришел к **великому открытию,** что английские моряки имели ложное представление о военной тактике: обязательно сражаться с противником в «кильватерной колонне» — корабль против корабля. И Джон

Клерк не побоялся составить и предложить **новую** морскую тактику, утверждая, что надо ломать кильватерный строй и **делить эскадру** на отдельные отряды, которые разными своими манёврами, ринутся **первыми** в бой и устроят панику среди вражеских кораблей, дезорганизуя противника, устраняя его цельность, смешивая его строй — вот путь к победе. Англичане приняли и ввели в жизнь его руководство и одержали ряд морских побед, напр. знаменитую победу при Трафальгаре и т. д.

Также и во Франции первую книгу о «Морской тактике» написал морской священник, иезуит Павел Гост; исполняя на корабле свои обязанности священника, он составил знаменитую на весь мир книгу о маневрировании флота и ведении морского боя, ставшую законом для моряков всего мира.

Вот что такое морская игра.

Я — единственная девочка в доме — изменила своим куклам и с неменьшим увлечением, чем мой брат и его друзья, «трепетала» при прохождении какого-нибудь микроскопического «броненосца» через «минные заграждения», восхищаясь «дерзостным прорывам» миноносцев и пела в хоре вместе с кадетами: «Врагу не сдается наш гордый Варяг»... Но когда дело доходило до строф: «Товарищ, я вахту не в силах стоять, сказал кочегар кочегару», мое детское сердце сжималось ужасной жалостью к этому бедному кочегару, слёзы начинали стекать по моему лицу, потом слышались мои всхлипывания, переходящие в рыдания, «Бедный Варяг, бедный кочегар!», и результатом было то, что морские кадеты начинали кричать: «уберите девчонку плаксу», меня выдворяли за дверь залы, но я не уходила к себе наверх, несмотря на все уговоры мамы и няни и, прикурнув под дверью, жадно прислушивалась к их

стройному пению, где мой кумир, «гордый Варяг» не сдавался врагу.

Прошло несколько лет и маленькая сентиментальная девочка превратилась во взрослую барышню, попрежнему полную любви ко всему «морскому» и особенно к «Варягу», снимки с которого — «красавец Варяг» — висели на стене в ее девичей комнате. И не воображала она, какую роль Судьба затейница уже приготовила сыграть этому же самому «Варягу» в ее жизни, но об этом будет дальше.

Ну, вот мне и 16 лет. Я приезжаю в Севастополь гостить к своей тетке и крестной (сестре моей матери, княгине Анне Ишеевой). Весна и в природе и в душе... Что за красота Севастополь, с его Графской пристанью, кораблями на рейде, масса катеров, снующих взад и вперед, блистающих ярко начищенными «медными уборами», свозящих «на берег» элегантных морских офицеров. Гуляем с подругами по Приморскому бульвару и по Мичманскому! — перестрелка глазами с красивыми мичманами и лейтенантами — всё это наивно-чисто, весело и интересно. Весь Севастополь сейчас говорит о ПЕРВОМ ПОЛЕТЕ над Севастополем (1910 г.), **первого** морского лётчика, лейтенанта Станислава Дорожинского. Его всюду чествовали и на большом банкете в Городском Собрании поднесли большой красивый жетон с надписью: «Граждане Севастополя Ст. Фад. Дорожинскому за первый полет над Севастополем». Тогда я, гимназистка, присутствуя тоже на этом банкете, и вообразить даже не могла всего того НЕВЕРОЯТНОГО, что случилось через многие годы и что сделало меня, теперь вдовы по второму браку С. Дорожинского (1970 г.), обладательницей этого жетона. Судьба!

Нас, молодых и ранних, конечно, очень интере-

сует эта «злоба дня»: аэропланы... авиация... лётчики... Мы видим иногда высокую, стройную фигуру очень красивого и настоящего джентельмэна, лейтенанта Станислава Дорожинского на Екатерининской улице, но «он» женат, всегда серьезен и «глазной перестрелкой» не занимается, но почему же при встрече с ним мое юное сердечко буйно трепещет?! и кровь приливает к щекам, а подруги все спрашивают: «почему ты как краснеешь? Видишь, что он на нас никакого внимания не обращает — ах, как жаль, что **он уже женат!** Такой чудный, такой душка!» и т. п.

В Морском собрании назначен бал — это будет МОЙ первый бал. Моя тетка «вывозит» меня в свет и вспоминает свою молодость, когда она считалась первой красавицей и все адмиралы — и Копытов, и Тыртов, и Рогуля и др. — все были, у ее ног, а Великие Князья на балах танцевали всегда с ней. Она заказывает мне чудесное бледно-розовое платье — вот оно уже лежит воздушным облаком на моей кровати — вечером я это одену! Ах! Поскорей бы этот вечер! Что он мне принесет? В 9 часов подъезжает экипаж — это приехал к нам мой крестный, важный барон Кнорринг, тоже капитан 2-го ранга (ВСЕ у меня моряки), с нами и мой дядя, адмирал Ф. Крестный, для моего «первого выезда» преподносит мне чудную нитку жемчуга и одевает её мне на шею, любуясь моим красивым туалетом. Подъезжаем к ярко освещенному Морскому Собранию, где залы его украшают бессмертные, громадные полотна — картины Айвазовского и др. При входе нас встречает милый Петр Арк. Петров-Чернышин, друг моей семьи и восклицает: «Ах, вот она, наша Сонечка, капризница-хохотушка и общая любимица», а потом, нагибаясь ко мне в чопорном поклоне: «Мадемуа-

зель, позвольте пригласить вас на первый вальс — мы с вами откроем бал». Я в восхищении кладу свою руку, затянутую в белую перчатку, на его плечо и, под звуки волшебной штраусовской музыки, мы мчимся в упоительном вальсе... Но вот музыка замолкла, я разочарованная бегу к зеркалу посмотреть, в порядке ли мои локоны, перевязанные бледно-розовой лентой, а главное, хочется полюбоваться на мой первый жемчуг. В зеркале не узнаю себя — столько радости и восхищения в моих глазах, щеки разгорелись нежным румянцем, губы улыбаются восторженной улыбкой — ах, как хороша жизнь! Пристальнее вглядываюсь в зеркало, и вдруг — рядом с моим лицем вижу красивый, аристократический профиль! «Он» — тот, который **первый** летал над Севастополем. «Он», при встрече с которым так бьется всегда мое сердце... Сейчас оно замерло! И я как-бы слышу слова моей няни: «Вот, деточка, коли увидишь в зеркале чье-либо лицо рядом со своим, так и знай, что этот твой настоящий суженый!» Отворачиваюсь от зеркального трюмо и с грустью вижу удаляющуюся фигуру красивого, всегда серьезного лейтенанта Дорожинского и думаю с огорчением: «Ах, как жаль, что предсказание няни **не может** быть исполнено. Ведь он уже женат!»

В тот день не дано было мне «поднять завесу будущего», где я увидела бы, что хоть и через много лет, а предвещание няни **ИСПОЛНИТСЯ!!**

Кончился бал... кончились каникулы, и я возвращаюсь обратно в Николаев. Оканчиваю гимназию, усиленно занимаюсь музыкой и пением, попрежнему рвусь ко всему морскому и в 1915 году, путешествуя по России, любуясь на ее красоты бесконечные — Урал, Байкал, Сибирь — попадаю во Владивосток, где, к моему удивлению и радости, увидела на рейде

вновь воскресшего гордого красавца «Варяга», того самого, который не хотел сдаваться врагу.

Оказывается, после геройской гибели «Варяга» японцы подняли его со дна морского, как и некоторые другие корабли и ПРОДАЛИ его России.

Я часто ходила в прелестный садик Морского Собрания, который спускался прямо к морю и, сидя на пристани, любовалась на «моего» (как я мысленно себе говорила) гордого «Варяга». Оставаясь попрежнему сентиментальной и полной «романтики», я воображала себе сказочные картины и приключения, которые произошли с ним на дне морском, когда он был «именно в гостях» у царя морского и у его дочерей... Но **судьба-затейница** и тут уже плела надо мною свои сети; все мы «игрушки» в руках судьбы и БЕСПОЛЕЗНО с нею бороться! Часто «шутя» она играет человеческими жизнями и соединяет их — где и как ей заблагорассудится! В Морском саду играли мы часто в теннис с морскими офицерами — и вот один раз мне представили «вновь прибывшего» из Петербурга мичмана Гвардейскаго Экипажа, красивого и статного. В тот момент, когда мои глаза встретились с глазами этого мичмана К., я почувствовала какую то странно-резкую боль в сердце — будто меня пронзили кинжалом (много горя пришлось мне потом пережить с этим человеком). Через несколько мгновений это мучительное чувство прошло и мы продолжали весело играть в теннис. Потом, очень часто, повсюду на моем пути всегда встречался мичман К., который, как потом оказалось, **был офицером на крейсере «Варяг»...** И случилось то, что ДОЛЖНО было случиться!... и то, что случается так часто, когда вам 18 лет, когда так красиво светит луна над уснувшим рейдом, когда благоухает сирень и в ее кустах поет соловей — и в душе рождаются

отзвуки его волшебных «песен любви», когда вас завораживает блеск золотых погон, под шепот красивых фраз и нежного поцелуя руки... и просьбы, просьбы без конца «согласиться соединить навсегда наши обе жизни». Я, не будучи уверена в своих ответных чувствах, (севастопольский первый лётчик всё еще жил в моих мечтах), решила уехать в Японию, чтобы вдали от него, мичмана с «Варяга», проверить себя.

Япония — чудесная страна.

В начале мая, в один из тех прекрасных и теплых дней, когда море особенно сине, когда в Японии начинают цвести вишни и, как мне рассказывали, одевают всю страну волшебной красотой, я, вместе с друзьями, отправилась туда и, приехав в Нагасаки, буквально была поражена этой феерической красотой: бесконечное количество деревьев, как невесты в венчальной фате — сплошь в белом цвету и осыпают своим душистым снегом всё вокруг. Рядами же стоят тоже бесконечные букеты — белорозовые цветущие деревья миндаля — все это на фоне голубого моря, прозрачно голубых небес, производит неотразимо-чарующее впечатление и, конечно, вдохновляет тонких японских художников на их великолепные работы, прославленные по всему миру. Страна детей, цветов и смеха... вот первое впечатление, которое произвела на меня Япония. Количество детей прямо поражает и они удивительно забавны: пухленькие, круглые, с большими черными глазами, в которых светится улыбка и удивление, с бритыми головками, украшенными пучками волос, — они премилые. **Они очень счастливы** — в их стране **вежливость** считается одним из важнейших качеств и потому их никогда не бьют, не бранят. Сами они кротки, им в голову не приходит грубо кричать, драться ногами

или царапаться. Дети такие **потому, что и родители такие!** В мире нет расы с лучшим характером, с изысканной вежливостью во всем, как японец. Все прохожие улыбаются вам и готовы немедленно во всем услужить. Нигде на улицах вы не услышите ни грубости, ни споров, ни брани. У них много качеств истинных джентельмэнов. Японцы любят все прекрасное и особенно природу и поэтому у них существуют праздники в честь различных времен года и различных растений.

После Нагасаки посетили мы, «как полагается», курорт «Обама» — морские купанья с их знаменитыми **радиактивными** ваннами, где каждому посетителю дается в его личное распоряжение большой бассейн в отдельном закрытом помещении.

На улицах поражают вас магазины — магазины без конца, особенно с посудой — чудесным, тонким, блестящим фарфором, где каждая вазочка, каждая тарелочка украшены рисунками тончайшего художества и изящества.

Май месяц в этой стране подвержен частым мелким дождикам, длившимися очень недолго. Бывало забежишь в магазин, наскоро купить зонтик — и остановишься перед богатством выбора; зонтики из специальной промасленной бумаги, держащейся на тончайших деревянных спицах, разукрашенные рисунками **от руки,** такой красоты и художественности, что не можешь просто остановиться на выборе, а цены до смешного низкие! Взяв этот чудный, лёгонький зонтик, попользуешься им полчаса, час — вдруг опять солнышко ярко засветило, руки уж заняты массой покупок, т. к. соблазны и красоты без конца в каждом магазине и хоть и с грустью, но оставляешь, где попало, только что приобретенный красивый зонтик. Рикша всегда тебя

ожидает — вдруг опять дождик — скорее вновь покупать зонтик, чтобы опять бросить его через короткое время. Это указывает на баснословную дешевизну этих прелестных вещиц. А вечером Нагасаки и другие города напоминают театральную декорацию: улицы украшены бесконечными лентами цветных фонариков, мчатся декоративные рикши, все одетые в белое со своими изящными фаэтончиками, тоже украшенные цветными фонариками, бегут своими мелкими шашками, постукивая деревянными сабо, — очаровательные «мусмэ», их роскошно вышитые кимоно одно красивее другого, с громадным бантом сзади пояса «оби», у них кукольные физиономии, густо покрытые fard'om — они всем весело и мило, чисто по детски улыбаются и невольно и всем становится как-то весело.

Поехали мы потом в горы, на знаменитый курорт Unzen на высоте более 2.000 метров — сначала по железной дороге, а дальше путешествие возможно лишь верхом на муле, которого всё время ведет за повод его хозяин, т. к. дорога вся узенькими извилистыми тропинками, по самому краю огромнейших обрывов и пропастей. Unzen — это наш Кавказ с горячими серными и железными источниками; вода — кипяток, бьет ключем. Устроено все великолепно, в отелях на английский лад. Много еще красивого и удивительного видела я в этой чудной стране — много пришлось мне потом путешествовать по разным странам, но самое **приятное и интересное** воспоминание осталось от **Японии.**

Вернулись мы во Владивосток, и колесо жизни моей по ВОЛЕ СУДЬБЫ повернулось... Согласилась я, — к огромной радости мичмана К. и стали готовиться к свадьбе. По морскому Уставу, мичман К. должен был испросить разрешение на брак у своего на-

чальства. На «Варяг», купленный у японцев, и для его комплектования были присланы из Петербурга все офицеры, как и нижние чины, из Гвардейского Экипажа — под командою капитана 2-го ранга фон-Ден. Эти «петербуржцы», баловни большого света, очень скучали в маленьком, скромном Владивостоке — и поэтому за нашу свадьбу ухватились, как за неожиданное развлечение. Командир и все офицеры, через посредничество старшего офицера, милейшего Льва Матвеевича Кожевникова, предложили устроить и венчание и свадьбу на «Варяге». Радости моей не было предела, когда я узнала, что моя свадьба состоится **на так мною любимом с детства «Варяге».** Такое «событие» являлось РЕДЧАЙШИМ на военном корабле!! И для этого было исходатайствовано специальное разрешение от местного архиерея, разрешившего даже венчаться в посту (Петровский пост 2-16 июня в виду ухода корабля на войну, т. к. это было 1916 год). На корабле готовились все. Судовой батюшка, иеромонах, не имеющий права венчать по своему монашескому чину, приготовлялся «достойно принять» настоятеля владивостокского Собора с диаконом и причтом, которые и должны были совершить обряд венчания и записать его в книгах Собора, т. к. таких книг на военном корабле не имелось, — Церковь вся заново ремонтировалась. — Готовилась и кают-компания; которая по желанию офицеров, так же как и церковь вся была убрана белыми розами. Готовился и знаменитый гвардейский балалаечный оркестр, который так любил слушать покойный Государь Император Николай второй. Готовилась и команда, где молодой мичман К. был ротным командиром и где все матросы его любили за его справедливость, доброту и отзывчивость.

Но готовился, конечно, больше всех сам герой это-

го события, мичман К. Не обращая внимания на знойный июньский день, хотя венчание было назначено на пять часов вечера, но он уже с двух часов дня облачился в полную парадную форму, даже от нетерпения уже прицепил свой палаш и «маячил» по палубе взад и вперед. Около 3-х часов дня он не выдержал и послал еще раз своего вестового (уже в третий раз в этот день!) с запиской к своей невесте. Напомаженный и сияющий вестовой еще раз мчится на Светланскую, где передает тоже разряженной горничной Даше записку, где жених пишет: «Родная, еще несколько часов и мы НАВСЕГДА уже вместе». «Навсегда!!?» Разве люди могут знать, ЧТО готовит им Судьба?

Так как венчание назначено на 5 часов, то без четверти пять командирский катер, в парадных уборах, отваливает от трапа. На нем четыре шафера, офицеры кают-компании «Варяга», едущие за невестой. Этот же катер привозит с пристани соборный причт и снова сейчас-же возвращается на пристань за невестой.

Но вот уже и 5 часов, и 5 ½, и 6 часов, а невесты всё нет!

Все священники уже в облачении, церковный хор уже давно на своих местах и слышится частенько нетерпеливое покашливание певчих. Командир, капитан 2-го ранга фон-Ден на своем мостике тоже высматривает катер с невестой и шаферами, но... все тщетно... А несчастный жених, который всё время нервно метался по палубе, заперся в своей каюте в полном отчаянии и недоумении. Один Кожевников, старший офицер, как всегда, сохранял свое хладнокровие. Заметив, что жених куда-то исчез, он отправился по кораблю в поиски за ним и в конце концов добрался до его каюты. Дверь этой каюты ока-

залась запертой на ключ изнутри, и на стук старшего офицера сначала не было никакого ответа. Тогда Л. М. уже начал беспокоиться, стал стучать усиленно, говоря: «Константин Романович, я требую, чтобы ты сейчас же открыл дверь». Приказание его было исполнено и он увидел такую картину: жених-мичман, с блуждающими глазами, с пересохшими губами, с взлохмоченной шевелюрой вместо всегдашнего безукоризненного пробора, а на письменном столе — фотография его невесты и... **заряженый револьвер.** Л. М. быстро схватил револьвер, спрятал его в свой карман и строго сказал. «Послушай, Константин Романович, ты кажется сошел с ума! Я тебе **приказываю** немедленно придти в себя и бросить всякие глупые мысли. Это несомненно какой-то force majeur задержал твою невесту, успокойся, я уверен, что все будет хорошо и благополучно. Иначе уже вернулись бы шафера».

А в это время, на Светланской, в квартире невесты другая «трагическая» картина! Невеста бледная, взволнованная до крайности, полулежит на кушетке в своем будуаре. Возле нее суетятся подруги, сильно пахнет валерианкой и все стараются её успокоить, как могут. В гостиной рядом тоже нервничают шафера, и горничная Даша, чуть ли не каждые 15 минут, выбегает на улицу, посмотреть, «не едут ли **они»?** А эти «они», виновники всеобщей тревоги, это лучший японский maison de couture, который пообещал сделать подвенечное платье, «такое, как ни у кого не было», на тончайшем газе — все вышито в ручную — каким-то особым шелком белые розы. Лихорадочно вышивали это платье в мастерской, но за несколько дней до свадьбы увидели, что им не хватит этого особого вышивального шелка, который можно достать лишь в Нагасаки. Срочно был сделан

туда заказ, но пароход, который шел во Владивосток и на котором находилась эта посылка, попал в сильнейший **тайфун** и эта буря задержала его прибытие на 24 часа. — Но вот наконец это чудесное платье закончено, быстро доставлено на Светланскую, так же быстро одето на невесту, которая уже не замечает ни его красоты, ни его богатейшей художественной вышивки... Быстро мчатся автомобили с невестой, шаферами и гостями на пристань, быстро садятся в катер — сигнальщики на «Варяге» наконец докладывают: «командирский катер с невестой отвалил от пристани».

Когда этот красивый и блестяще нарядный катер подходит к командирскому трапу, склянки (часы) на корабле возвещают СЕМЬ часов!! Два часа опоздания!! Жених вновь сияет, пробор на его голове стал опять безукоризненным, но невеста до того измучена, что на нее жалко смотреть. Командир ведет ее под руку в церковь и она шепчет: «попросите священника совершить обряд венчания как можно поскорее — я совершенно без сил»...

И вот **Я** на палубе «Варяга», в его церкви и както не сознаю этого... Все для меня сейчас — как во сне! Лишь после венчания, проходя из церкви по корридорам корабля, где шпалерами стояли выстроенные красавцы матросы Гвардейского Экипажа, которые приветствовали нас дружным криком: «честь имеем вас поздравить с законным браком», — только тут я как-то П О Н И М А Ю , что церемония бракосочетания уже закончена и мы идем в кают-компанию, где все убрано белыми розами и где сверкают бокалы шампанского под заходящими лучами июньского солнца.

Мы С В Я З А Н Ы **НАВСЕГДА.**

Так нам казалось, думалось, хотелось, но Судьба

решала **иначе...** Тихо падали лепестки белых, утомленных роз в бокалы шампанского, погибая там, — как потом погибли и все мои мечты, связанные с этим днем... Было **три дня** счастья, а на четвертый «Варяг» вышел в море, на манёвры. Через два дня вновь назначен поход — все думали, что на такой же краткий срок, как и первый, но я, провожая **своего мужа** на пристани, «почему то» заплакала?! Милейший Лев Матвеевич, бывший тут же, начал надо мной подтрунивать: «ну, вот молодожены — всегда так, — всё бы вам сидеть один возле другого. Ну, утрите ваши прелестные глазки — скоро опять увидите своего благоверного».

Я поверила в это, а Судьба решила иначе!! — Ни «Варяг» ни мой муж больше уже **никогда** не вернулись во Владивосток.

В военное время и на военных кораблях и офицеры и команда **узнают лишь в открытом море, куда** они идут — и оказалось, что «Варяг» идет **вокруг света** в Архангельск, куда они пришли через 8 долгих месяцев сказочного путешествия, так хорошо описанного капитаном 2-го ранга Апрелевым в его очень интересной книге «На Варяге». Больше никогда я не увидела уже «Варяга», а с мужем своим вновь увиделась лишь через очень длительный и мучительный срок, полный всяких препятствий и опасностей.

Узнав о том, что «Варяг» больше во Владивосток не вернется, мы все, «морские дамы», выехали обратно в Россию, проделав вторично 2-х недельное путешествие в сибирском поезде — и это был «скорый» поезд! Я вернулась в Николаев к своим родителям, где и начала ожидать своего мужа. Во время нашего пребывания во Владивостоке, я много рассказывала мичману К., тогда еще моему жениху, о моем брате Николае, о «нашем родном» Черномор-

ском флоте, о «белом» Севастополе (которого он не видел еще), о красивой Графской пристани, о бастионах и исторических местах, которые защищали мои предки, также морские офицеры, — в общем «заразила» мичмана К. моей любовью к Черноморскому флоту и мы оба стали мечтать о переводе мужа в Черноморский флот и написали моему брату — тогда уже лейтенанту в Севастополе — прося его хлопотать об этом переводе. Ему, на месте, было это легче сделать, тем более, что карьера его выявлялась уже блестящей. Будучи еще мичманом — на своем первом миноносце «Свирепом» — ему уже удалось отличиться.

В это время Царская Семья несколько лет под ряд приезжала в Крым, который они очень любили — этот русский Кот д'Азюр. Приезжали они в Севастополь по железной дороге, а там их ожидала уже царская яхта «Штандарт». Главная причина их приездов было лечение целебной грязью Наследника Алексея Николаевича, рождение которого так много лет страстно ждала и вся Царская Семья и вся Россия. **30 июля 1904 года** 101 пушечный выстрел известил Россию о рождении Наследника. Россия вся заликовала! Сколь мудр Всевышний, скрывающий от человека непроницаемой завесой его будущее. Не знали тогда русские люди, что маленькому новорожденному царевичу готовится «Судьбой» мученический венец. Вся короткая его жизнь оказалась сплошным **страданием** и не только для него самого, но и для безгранично любивших его Родителей. Никто не подозревал тогда, что Царевич, Наследник Трона Величайшего Государства, был обладателем также и другого наследства — **страшной наследственной болезни** Гессенского Дома гемофилии, сущность которой заключается в том, что кровь не имеет

Автор рассказа «Варяг»
С. Б. Дорожинская-Курилло

Мичман с «Варяга»
К. Р. Курилло

обычного свойства **свертываться** и страдающий этой болезнью человек РИСКУЕТ УМЕРЕТЬ от **малейшего кровоизлияния** и самый незначительный ушиб причиняет **невыразимые страдания.** Особенность этой болезни еще та, что она передается по наследству **лишь мужскому поколению,** но не женскому. Так все четыре дочери Императора Николая Второго были девушками цветущего здоровья, но единственный сын-наследник родился с этой ужасной болезнью...

Радовались все русские люди рождению этого наследника Престола, а 14 лет спустя невинного ни в чем, больного мальчика ЗАМУЧИЛИ И УБИЛИ в подвале захолустного городишки. Его ужасное трагическое будущее было **закрыто** для всех, а пока все любили **до обожания** маленького Наследника, что и доказал мой брат следующим своим поступком: Наследник Цесаревич проходил в это время курс лечения целебными грязями из Саки, лечения, которое как будто бы тогда ему помогало, при условии, что грязевые ванны ему делались **ежедневно** из абсолютно **свежей** целебной грязи и никакой **перерыв в лечении** не мог быть допустим. Для выполнения этого, **ежедневно** один из миноносцев отправлялся в Саки, грузил там боченки со свежей грязью и немедленно отвозил их для царевича в Ялту. Мой брат, молодой мичман, плавал тогда на миноносце «Свирепый» и вот в один из дней, когда была очередь «Свирепого» выполнить это задание, разразился небывалой силы шторм, и миноносец тщетно пытался бесконечное количество раз подойти к пристани за боченками с грязью. Видя безуспешность всех своих попыток, «Свирепый» уже с грустью приготовлялся идти **пустым** в Ялту. Мой брат, обожавший маленького наследника и видя отчаяние своего ко-

мандира, предложил ему очень рискованный способ: спустить **«тузик»** (маленькую шлюпку) на воду с моим братом и двумя матросами (тоже добровольцами) и таким способом попробовать переправить необходимые для леченья Наследника боченки на миноносец. Командир вначале категорически этому воспротивился, ясно понимая **огромный риск** этого предприятия и даже, может быть, **гибель** этих жизней.

Но мой брат так его упрашивал и уговаривал, что в конце концов командир, «скрепя сердце», дал свое согласие. Те, кому приходилось плавать в Черном море, знают, что значит **шторм** в этом море. Спустили на воду маленький «тузик» и мой брат, глубоко верующий человек, истово перекрестился, что по его примеру сделали и оба матроса добровольца, вскочил в шлюпку, за ним матросы и отправились в это, как другие назвали, «отчаянное путешествие». Не буду вдаваться во все **страшные** подробности того, что испытали эти три человека, отдавая на риск свои молодые жизни для маленького Наследника. Но это буквально **геройское** предприятие завершилось полным **успехом** и вызвало такой приказ по флоту: Мичман Николай Федосеев с опасностью для жизни в сопровождении двух матросов выполнил блестяще **добровольно** взятую на себя миссию для Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, за что награждается орденом Станислава 3-ей степени. А через неделю мичман Федосеев и его два матроса были вызваны на императорскую яхту «Штандарт». Их туда вез командир дивизиона князь Трубецкой. Когда они прибыли туда, то вся команда «Штандарта» была выстроена на палубе, куда вышла вся **Царская семья.** Государь Император, взявши за руку маленького Наследника, подошел к моему брату и к

двум матросам, стоявшим сзади его и взволнованным голосом **БЛАГОДАРИЛ** их за **такую преданность** маленькому Наследнику, причем сильно пожал руку моему брату. То же сделал и Наследник, вручивший моему брату свой **большой портрет в морской форме с собственноручной надписью «Алексей».** Подошедшая затем Императрица Александра Федоровна в свою очередь благодарила моего брата и наградила его большими золотыми запонками с драгоценными камнями «Шапка Мономаха». Матросы тоже были обласканы и награждены. После этого мой брат был приглашен к царскому столу на завтрак, где вся Царская Семья его подробно расспрашивала о, как они называли, «подвиге». Портрет этот мой брат **особенно** берег и через несколько лет, вынужденный, как и многие другие, к нашему общему горю, покинуть и Севастополь и нашу Родину, не имея возможности увезти с собою этот **драгоценный для него портрет** в виду его большой величины, спрятал его в своей квартире, в зеркальное трюмо между стеклом и деревом. Возможно, что этот портрет, скрытый от всех глаз, и до сих пор хранится там.

Впоследствии мой брат всегда был обласкан Царской Семьей и неоднократно удостаивался приглашений, вместе со своей женой, к Царскому столу в Ялте, где Императрица устраивала ежегодно благотворительный базар и, узнав, что мой брат художник, просила всегда моего брата рисовать специально для ее личной продажи разные вещицы. Так же, по желанию Командующего флотом, моему брату поручалась нелегкая работа — рисовать для Императрицы и Великих Княжен специальные ленты для их букетов каждый раз при их приезде в Крым. Ленты

эти заказывались специально на фабрике — шириною более чем ½ аршина и работа была трудна на них, т. к. часто масляные краски, работу которыми любила Императрица, расплывались на атласе; тогда приходилось срочно «мобилизовать» мою портниху и «подбивать» эти ленты тончайшим Liberty.

При приезде Царской Семьи в Крым мы имели всегда билеты в царский шатер и там наблюдали, с каким интересом все Великие Княжны получали свои букеты от адмирала Эбергардта, сейчас же начиная рассматривать рисунки на своих огромных лентах — как панно — и рисунки эти мой брат составлял всегда очень интересные, из морской жизни. Карьера моего брата продолжалась блестяще во время войны 1914 г. В это время он был флагманским артиллеристом на дивизионе «Новиков» под командой лихого и боевого князя Вл. Вл. Трубецкого. Его миноносец «Дерзкий» оправдал свое название. При неожиданной встрече с немецким крейсером «Бреслау» они ему дали такой бой, что вывели его из строя на всё время войны. Метким артиллерийским огнем, управляемым моим братом, был сбит на «Бреслау» командирский мостик, убит командир и несколько офицеров и нанесены очень серьезные повреждения. За этот **неравный** и тем более **блестящий бой** князь Трубецкой получил Георгиевский крест, а **мой брат золотое Георгиевское оружие** и оба были **награждены английским королем орденом** Distinguish Service Cross.

Между прочим, этот орден дает право пожизненного бесплатного проживания в Англии в очень хороших условиях. Но ни тот ни другой этим не воспользовались. Адмирал князь Трубецкой скончался в нужде в Париже, а мой брат в «далекой знойной

Аргентине, где женщины как на картине» и где он открыл Maison Peinture-Decoration, использовав художественные способности. Вот чем, увы, заканчивается блестяще начатая морская карьера из-за ужасных политических событий. И, увы, скончался **скоропостижно** мой брат в 1966. Там же и английское Правительство оказало ему почести, как герою Dis. Serv. Cross, **похоронив его на своем Английском Кладбище** в Буэнос-Айресе.

Итак, я вновь в Николаеве, успевшая прожить вместе с мужем лишь шесть дней! И вот потянулись длительно-мучительные дни, недели, месяцы. Очень редкая переписка «со всех стран света», которые в это время проходил «Варяг», направляясь в Архангельск, куда он прибыл лишь через **8 месяцев!** Бесконечные письма, телеграммы и открытки, которые посылал мне муж, большею частью, в виду войны — **терялись в пути,** также и мои письма, что очень нас терзало и усиливало нашу жажду встречи!

По прибытии «Варяга» в Архангельск, командир дает моему мужу отпуск, он срочно грузится на **первый же** отходящий из Архангельска пароход, чтобы добраться до такого далекого, но такого желанного Николаева. Ночью у Константина Романовича сделался такой ужасный «rage de dents», что рано утром он съезжает на берег к дантисту, а через час после его отъезда пароход этот **взрывается, и гибнут все,** кто на нем находились... Судьба!...

Садится он на другой пароход, выходящий из Архангельска на другой день. Этот пароход **затирает льдами!...** Так что ему удается освободиться лишь через две недели. Когда мой муж, волею **Судьбы,** все же добирается до Николаева (где я жду его с таким волнением и нетерпением), то, считая время

на его обратную поездку на «Варяг», в Архангельск, у него остается лишь **два дня** для нашей общей жизни!

Уехал!! — Будто и не приезжал... Будто это был лишь красивый сон!

Рвемся всей душой, всеми силами друг к другу, а СУДЬБА опять нас разлучила! Это уже 1917 год. Январь. В феврале получаю отчаянное письмо от сестры моего мужа из Петербурга, которая умоляет меня «срочно» приехать в Петербург — хлопотать о переводе моего мужа в Черное море, иначе «Варяг» опять уходит за границу, неизвестно куда и неизвестно, вернется ли когда либо! Да так и вышло: уйдя снова за границу, «Варяг» был настигнут в Англии страшными известиями о революции, об отречении Государя и... не вернулся больше НИКОГДА в Россию и закончил свою жизнь мой любимый «Варяг» в Англии, в Ливерпуле на «кладбище кораблей»... Но все это тогда не было нам еще известно и надо было «срочно» ехать в Петербург.

— Приезжайте в Петербург — ...да еще срочно — легко сказать, но не выполнить, когда в это время (1917 г.) проезд по железной дороге разрешался почти исключительно лишь военным. Мать моя, у которой я теперь живу в Николаеве, в ужасе, в слезах — «куда ты поедешь, в такое смутное и опасное время!» и т. д. Но разве можно остановить какими то ни было «резонами» любящее сердце? Лишь одно желание — быть **вместе** с любимым побеждает всё, все препятствия! И так было. И билет для меня нашелся и очень хорошее в поезде купэ одного генерала, друга моего отца, отправляющегося в командировку в Петербург. И все, что надо, было в этой долгой дороге устроено заботами милого старичка

генерала. Но вот наконец прибыли мы в этот «особенный» город, как говорит Зинаида Гиппиус:

«Созданье революционной воли,
Прекрасно-страшный Петербург».

Но в этот мой приезд в этот дивный город Петра, первое, что я начала это визиты в морские штабы, желая узнать результаты уже давно поданных бумаг моего мужа о его переводе в наш Черноморский флот. Мои хлопоты облегчились тем, что в это время начальником Главного Морского Штаба оказался старый друг моей семьи П. А. Петров-Чернышин, теперь уже адмирал, который танцевал со мной на моем первом балу в Севастополе. Очаровательный, как всегда, адмирал обещал мне **ускорить** назначение моего мужа в Севастополь, что привело меня в полный восторг и адмирал, снисходительно улыбаясь, сказал: «За это вы должны обещать мне еще тур вальса в севастопольском Морском Собрании». Бедный адмирал! — не пришлось больше ни ему ни мне побывать вместе в этом любимом собрании.

Встретила я его лишь через много лет в Ниццком Соборе, на молебствии 6-го ноября, празднике Морского Корпуса, представила ему свою юную дочь и, улыбаясь, сказала: «вот теперь с ней, а не со мной вы протанцуете обещанный тур вальса». Но и это не исполнилось... И спит милый адмирал вечным сном на Ниццком кладбище, таком поэтическом и красивом... И сколько там знаменитых русских людей нашли себе последнее пребывание... начиная со светлейшей княгини **Юрьевской** («Катя»), морганатической Супруги Императора Александра II... Вот могилы знаменитых боевых генералов **Юденича, Щербачева, Томолива, Ломновского, Свечина** и др. —

всех родов оружия — и также министров Барка, Наумова, графа Уварова, кн. Оболенского и нашего Морского Министра адмирала **Григоровича** и его соплавателей, двух братьев адмиралов **Пилкиных** и др. А вот могила того, которого вся Ницца называла «Дедушкой» — всегда с приветливой улыбкой и изысканной речью. Это был последний Председатель Петербургского Окружного Суда генерал Виктор Евгеньевич **Рейнбот.** А рядом — его современница — известная красавица Юлия Павловна **Маковская,** которую ее супруг — знаменитый художник Маковский — увековечил на своих картинах... Сколько интересных рассказов мы от них слышали здесь, в Зарубежье о «старой России». Недавно — к этим могилкам прибавлась еще одна — знаемого и уважаемого всеми русскими Олега Ивановича **Пантюхова,** 92 лет, создателя Русских Скаутов. А год тому назад вся русская молодежь Ниццы и Парижа, да и их родители тоже, очень скорбели от неожиданной кончины молодого и очень талантливого **композитора духовной музыки** — молодого инженера Александра **Филатьева,** погибшего при автомобильной катастрофе. Его музыкальные произведения вполне заслуживают слов поэта: — «Музыка — язык богов». Недавно по Радио можно было послушать эту именно **замечательную** музыку... у многих катились слёзы из глаз... Молодой композитор оставил о себе именно «вечную память». — А дальше на самом холме кладбища, с которого открывается чудный вид на лазурное море — в склепе — почивает мой дорогой муж-друг Ст. Фад. **Дорожинский** и рядом с ним — пустое место для моего гроба — вероятно — очень скоро и я буду там... Там!!... Где?? — Где они все?? И будет ли «опять встреча»?... вот вечные вопросы — без ответа...

Здесь, в Петербурге я случайно встретила человека, смерть которого вскоре (в Августе 1918 г.) явилась исключительным событием в истории Русской Православной Церкви. Это был Настоятель Адмиралтейского Собора, митрофорный протоиерей Алексей Андреевич **Ставровский.** В жизни этот уже очень почтенного возраста просвещенный пастырь достиг всего, чего мог достичь в Императорской России белый священник: митры, ордена св. Александра Невского и Романовского Знака (их было всего 300 на всю Россию). Но при этой «знатности» о. Алексей сохранил необычайную доброту сердца, что засвидетельствовал **своей удивительной смертью.** Назначенный патриархом Тихоном после отъезда протопресвитера Шавельского занимать должность протопресвитера военно-морского духовенства, о. Алексей был взят заложником после убийства Урицкого и отвезен в Кронштадт. Там расстреливали каждого десятого без суда и без следствия. О. Алексей стоял **девятым,** и ему улыбалась свобода. Но **десятым** стоял молодой священник. Видя это, о. Алексей обратился к своему соседу и сказал: «Я — старик, мне — 82 года; жена моя старуха; в жизни я получил все, чего мог достигнуть; иди себе с Богом, а я встану на твое место». Так и случилось. Молодой священник был выпущен на свободу, а о. Алексей — расстрелян.

Тут будет уместно вспомнить и другого «легендарного» священника о. Доримедонта **Твёрдого,** Настоятеля Морского Собора моего родного Николаева. Большого роста — очень представительный, он останавливал на себе всеобщее внимание главным образом потому, что на его (всегда красивой муаровой лиловой) рясе ярко выделялся большой золотой крест на **Георгиевской ленте.** Он был — герой

Шипки. С этим крестом вышел впереди всех войск с пением «Спаси, Господи, люди Твоя». Все буквально ринулись за ним, наэлектризированные **его силой и мощью Веры.** После взятия Шипки, ген. Скобелев при всех войсках расцеловал его и надел ему на шею Георгиевскую Ленту, которую он всегда носил.

Вспоминаю дальше мою «петербургскую эпопею». Выйдя из Гл. Морского Штаба, еле пробиралась по улицам Петербурга под бесконечной перестрелкой — март 1917 года! Красавца Петербурга не узнать! Выбитые витрины в магазинах, особенно с съестными припасами, хвосты возле булочных, всюду грязь, все время снуют какие-то банды солдат или матросов, в страшно неряшливом виде, но с красными бантами, орущие какие-то отдельные, бессмысленные фразы... Хаос... Ужас... Тоска... Позвонила по телефону своему кузену князю П. Ишееву, который в это время занимал пост адъютанта петербургского коменданта. Обрадовался мне: «Как ты сюда добралась? В такое трудное время?» Как? — Силою Любви, сметающей всё со своего пути! Встретились с кузеном, — с какой грустью и болью душевной рассказывал он о тяжелом положении Петербурга и о возможных надвигающихся еще больших ужасах! Чтобы развлечь меня немного, он, зная мою страстную любовь к музыке, предложил мне послушать **ШАЛЯПИНА,** который пел в этот день в «Севильском цырульнике». С грустной усмешкой сказал мой кузен после этого дивного спектакля: «может быть это в последний раз, что нам удалось его послушать?» Так это и было.

Собираюсь уезжать из Петербурга. Патриархальная семья моего мужа, провожая меня со слезами на глазах, просит «по старому обычаю присесть всем вместе на минуту» (предание говорит: чтобы потом

опять всем вместе собраться). Со старинной темной иконы в углу, Божия Матерь как-бы с грустью смотрит на всех нас. Много разлук видела Она уже в этой семье!... Кто уезжает — СУЖДЕНО-ЛИ ему вернуться? А если не суждено, то увидит ли он тех, которых он оставляет? Неведомы судьбы человеческие! (Я никогда уже больше никого из них не увидела!) При этом грустном приезде, среди начинавшихся разгрома и хаоса в «блистательном Санкт-Петербурге» и природа тоже как-то плакала и злилась, сыпя непрерывно большие хлопья снега и застилая небо и землю как вуалью. Под этой снежной пылью сердце сжимается каким то страхом и тоской. Что то будет дальше со всеми нами?

Уезжаю под перекрестными пулеметными и ружейными выстрелами. Ни одного извозчика ни носильщика. Кто то из знакомых вёз в детских салазках мои чемоданы на вокзал... В пургу!

Прощай, красавец Петербург!

Возвращаюсь к моим родным в Николаев полная радужных надежд, что скоро состоится перевод моего мужа в Черноморский флот и наконец мы сможем зажить в милом Севастополе настоящей семейной жизнью, чего до сих пор СУДЬБА никак не хотела нам дать... О! мечты, мечты! Как редко вы осуществляетесь! Увы! Мой муж **никогда** не попал в Черноморский флот.

Это возвратное путешествие было много труднее, много мучительнее чем то, которое я совершила лишь несколько дней назад. В России развал идет гигантскими шагами, подготовляя гибель всего старого, дорогого, ценного... Сейчас — царство солдат и матросов, судя по их приемам по всем железнодорожным линиям. Их орущие банды, обвешанные пулеметными лентами, врываются в вагоны, нахаль-

но занимают все лучшие места, не стесняясь хамят, а то и просто выкидывают с мест пассажиров, им не понравившихся. Я и еще одна дама со старушкой матерью забились в самый угол вагона, стараясь не видеть и не слышать всего этого ужаса, но новые банды матросов и солдат вливаются в уже и до того переполненный вагон и с силой устраиваются в соседнем с нами купэ первого класса. Наконец поезд двинулся и мало по малу всё начинает угомоняться и под мерное постукивание колес слышится голос: «А ты, солдат, не расстраивай своих солдатских нервов. Я хоть и матрос, а тебе товарищ, не тужи, что казак тебя вдарил. Плевать! Погоди и до казаков доберемся и их под луну шпилить будем. Увидишь — всех беломордых перебьем, останется одна пролетария. Должны же мы хорошо погулять — **первый наш праздник в жизни.** Вот флот наш «отсунуть» хотели, а мы вот как распустили то дымок — дальше поедем да разгромим усе берега — ахвицеров усех топить надоть в пучинах морских. Раз ахвицер — фактически враг! Топи его скорей! Солдатик, товарищ подсердечный, успокой ты свое солдатское сердце, увидишь, всех повыкидаем: и меньшивиков, и кадетню и эстеров всяких прочих — табуном матросским их припечатаем». И другие, наэлектризованные этой речью, начали вопить: «Бей буржуев — одно, флот родной командует. Долой Хвилимонова! Рви кадетню! Долой генерала Покровского, дюже вредный для крестьянского народонаселения. Таперича **МЫ** поцарствуем, капиталу нет пощады!» и т. д. и т. д.

Поезд подходит к станции. Матросы, увидя огни, немного поутихли. На перроне маленькой станции кучи народа, ожидающего поезд. Все это напирает на вагоны и так уже переполненные, но все таки

некоторые втискиваются каким то чудом. Вот в коридоре мелькнула белая, как снег, голова какого то старца. Я обратила на него внимание, да и не я одна. Вид паломника, в армяке, в лаптях, на груди, на шнурке, большой медный **КРЕСТ,** за спиной котомка, в руках высокая, простая палка. Вглядываюсь в это лицо — голубые глаза необыкновенной чистоты, как у ребенка, и полны какого-то **тихого сияния.** Говорит спокойно, ласково: «Ну-ка, матросики, може и мене тут коло вас местечко найдется?» Ему в ответ: «НУ, лизь, диду, уже потеснимся еще как-нибудь». Старик поблагодарил и втиснулся в соседнее с нами купэ. Какой-то теплотой, светом и миротворством веяло ото всей его фигуры и видно даже на эту орущую банду он подействовал как-то смягчающе... Поезд пошел вновь. Слышу разговор. «А далече, диду, едьте?» — «Да на Полтавщину». — «Вот як» говорит матрос, «дак я ж тоже полтавец из под Золотоноши». — «Да что ты? Вот так штука! Волости то ты какой?» — «Я Иркleевской!» — «Ах, шут те подери!» вскричал матрос «АХ, кошка те забодай, дак мы ж земляки с тобой, да какие еще!» — и пошел разговор. Поезд в это время загрохотал по железному мосту и часть разговора я не слыхала. А дальше опять: — «Ну, вот, вот, дидусю, письмо чичас я напишу братишке своему, а ты его передай, а мне поторапливаться надоть, бо я должен в скорости уже с товарищами вылазить. Дело большое нам есть, на одной тут станции ликвиднуть усех там надобно». — Дальше опять после грохота слышу голос старика: — «И сделайте одолжение, будьте спокойны, — на каждому шагу существуют добрые люди, законов Господа боящие, а не то что некоторые прочие, кровь чужую проливающие!... Вот, в этом то и есть наше полное огорчение, глядя на таких,

как вот теперь заделались, матросики; **наказал вами нас Господь,** а пока дай, Господи, кротости **перетерпеть.** У меня и так уже истлело сердце от тоски... Что-ж, так и канителиться нам с вами до конца жизни?»

— «Ну, ты, диду, того, полегче» — послышались голоса. А другие заорали: — «Заткнись, старый, мы кровь проливали». — Дед взметнулся. — «Дак ежели вы **свою** то кровь проливали, тогда вы должны окончательно состоять в могиле, а вы вот тут, в пьяном виде да безобразники, значит, **чужую** кровь проливали, пили, значит, её, бандиты». — Тут поднялся страшный крик и мы с безумным страхом за старика ожидали ужасных выходок со стороны этой пьяной банды. Но к счастью поезд опять подходил к станции и раздался грозный голос первого матроса: — «Братишки, товарищи, земляка мово не трожь, я за него ответствую — видишь старинного рисунку человек, куда ему понимать нашу новую ливорюцию. Пускай соби доносит спокойно свои старые кости. Ну, диду, а ты всё таки помалкивай, да на, вот, получи письмо для братишки мово, соседа твоего — беспременно передай да поскорее, пусть знает, что я теперь царствую с товарищами-кочегарами. — А вот и станция наша. Гайда, ребята! Вылезай! Поживимся то мы тутечко хорошо. Надо нам сейчас дюже работать **головы отвертать** без разгибу, не сидеть платочком. Ни пот, а кровь гонит с нас чичас леворюция. Эх, ребята, затянем свою **«Варяжскую»** — и к моему ужасу услыхала я, как пьяные голоса, срываясь на выкриках, затянули:

«Врагу не сдается наш гордый "Варяг"
Пощады никто не жа-а-а-ла-ет».

И слезы какой то ужасной обиды за поруганную песню, знакомую мне с детства, потекли по моему лицу... Россия... Флот: гордый Андреевский флаг... «Варяг» — все сейчас растоптано в грязи этими полу-людьми, полу-зверями... Я сидела в каком-то оцепенении, меня охватило ощущение глубочайшей **тоски,** какого-то кощунства, а в это время белая голова старца появилась у нас в купэ и тихий голос спросил: «дозвольте, господа хорошие, маленько отдохнуть коло вас». Старик сел на полу в уголок, положил перед собою свою котомку и старался запихнуть туда листки бумаги, покрытые каракулями, тихо повторяя про себя: «письмо братишке просил передать — да братишка то его **еще человек пока.** У нас в деревне то законы Божеские, люди еще почитают... Шут его знает, чего он тут в письме то написал? Может лучше и не давать? Что смущать душу христианскую!» Вздохнул старик и долго задумался, а потом тихо зашептал: «и усе то и усе то страдают, кажный по своему»... а потом, обратившись к нам: «что ж, господа хорошие, **надо терпеть, пока Россия очистится от этого греха.** Это уж видно Господь нас грешных наказует, что будешь делать!... **Пока что надо терпеть!** Может потом усё опять пойдет своим чередом, да и мужика то понять надоть. Что ж мужик, без свово мужицкаго занятия — БЕЗ ЗЕМЛИ трудно ему... бедствует. А у русских то, у нас, эва! Земли! **пол-света...** Можно было бы **поделить землю** то по Божьему, миром, а то вот до чего дошли — как теперича, в окончательном виде, кровопролития, тюрьма... слезы... разорение полное помещикам то нашим и **никому ничего...** как земли и нету! А земля то ведь благословение Божие, дадена трудящему, а вот сами взялись таперича царствовать и никакой от этого отрады то, во-веки ве-

ков не дождешься. И вот этот-то на все десять пальцев по бруллианту-кольцу напялил да и кричит другому: «Чтоб у тебе глаза лопнули на лбе». Живорезы они все, вот что. Эх! господа мои слушающие, все это только грубость души. Матрос то такой сердитый, что на всех зверей сразу похож... Я и перепугался сначала. Думаю, уж не сделалось ли ему помрачение смыслов, а потом, будто в умствовании ему и говорю: «что ты меня пужаешь, прямо в реки огненные меня бросаешь своим взглядом адским», а тут я и понял — **диавол то в ём сидит,** а я за Крест свой рукой и мыслю: «Господи, спаси!» а он, глядь, вмиг быдто и переменился, злоба его как пропала... Вот что значит Крест Господень для нас в сей жизни прекратительной и матрос вот этого бы держался, то и был бы своему отечеству патриот. А таперича что сделалось? Звери, а не люди, а я как взгляну на человека, так сразу и постигаю, что он в себе замыкает, бо я свово собственного поколения известного: российского, **христианского.** А ты, ах, несчастный, быдто у тебя на головном чердаке сено напихано, а не мозги правильные, не видишь, что в **дьявольские руки попал-то. ДЬЯВОЛЬСКАЯ РАБОТА — наваждение,** да потемнение мозгового дыхания. А тут письмо! — от такого то зла да к нам в деревню. Ну, Господи Боже-ж мой, ну как-же это возможно? А я так воопче понимаю — **не-допустимо это»** — и старик стал шептать какие-то молитвы и истово крестился. Сумерки наполнили вагон. Под мерный стук колес, уничтоженная и разбитая всем, только что пережитым, первой близкой встречей с «красой и гордостью» нового русского **революционного** флота, я вся в слезах заснула крепким сном. И все остальные заснули, заснул и старик — усталость организма взяла свое. Долго ли нам спалось — не

знаю, но пробуждение мое было хорошим, тихим, под звуки голоса старика: «и правда Твоя — правда во веки!» И, видя, что я проснулась, обернулся ко мне милый старик: «так вот, барыня моя хорошая, помнить завсегда надобно, что **все, что ни случается с человеком, во всем своя правда есть и все надо принять...** А как примешь все, поверь, барыня, многое станет виднее и понятнее, а с этим и утешение приходит и на сердце легче делается, потому видишь, что постиг мудрость большую: **«Правда Твоя во веки!»** Переболеет от горя сердце, да за то истинным станет, а чистое сердце — то глубоко видит, оно на Самого Бога глядеть могёт, будто как после такой боли, как озаришься весь. И знай, барыня, если над человеком стрясется беда, а **вины его нет и совесть его чистая, то это горе САМИМ БОГОМ ПОСЛАНО,** и получит через него человек силу большую, бо ближе до Бога станет. Понял я это всё, барыня, бо много годов прожил у монастыре, коло святых старцев. А в смерти знай, барыня, ничего страшного нет, Господь кажному свои сроки знает, а до того **учит** человека, **как страдать надобно.** А теперь отдыхай, спи, милая барыня, **Господь тебя сохранит».** И заснула я вновь. Поезд мчится на всех парах, шум разговоров, матросская ругань, удушающий запах перегара и махорки кружат голову, спать невозможно. Открываю глаза, но чудесного старика уже нет. Значит, где-то вылез уже, на какой-то станции. Поезд опять замедляет ход, как-то нехотя, колеблясь, останавливается и опять та же безнадёжная картина: опять в вагоны влезают матросы и солдаты со сверкающими бриллиантовыми перстнями на пальцах и вооруженные, что называется «до зубов». Вот они, эти люди, которые **разрушают** мою Родину, ведут ее к гибели...

Как проникнуть в то, в **чем их вина?** Мы видим, как людей и страны **топчет** какая-то безликая, стихийная машина, какой-то **Ф А Т У М** или «С-у-д-ь-б-а» и они вынуждены **покоряться** какому-то неминуемому **Року,** стихийному несчастью...

Но некоторым дано «предугадать» эту судьбу, и в 1916 г. самый большой русский металлургист и финансист **ПУТИЛОВ** говорил: «Часы Русской императорской власти сочтены. Эта Власть **неминуемо** падет. А Императорская власть — это **единственная** связь и спайка Русского Национального Единства. Отныне революция **неизбежна.** И нужен **только повод,** чтобы она разразилась. Этим поводом будет либо военная неудача, либо голод в провинции, либо забастовка в Петербурге, либо скандал или **Драма во Дворце».**

Война — вот величайшее зло и причина всего. Нет ничего хуже войны. Каждое убийство — родной брат войны и если считать, что война **не** преступление, то преступлений вообще не существует. И вот именно **последствие войны** эта ужасная всероссийская кровавая бойня, тем страшнее еще, что это **«у себя дома», «свои же русские» восстали брат на брата,** залив морем крови всю страну, разрушив весь прежний быт — прежние устои, верования, которые до сих пор были дороги и «белым» и «красным» и в корне изменив психологию народа — в большинстве своем малокультурного, а потому **легко поддавшегося умелой агитации с ее обманными обещаниями** и всякой, потом не **осуществившейся** пропагандой. Пришла новая власть — **воинствующий атеизм** и наступили безумные страдания, **гонения на Церковь** — правители государства «обернулись» из лика крещеного в **лик звериный и наступили** скорб-

ные и мученически геройские дни, когда жизнь человеческая была совершенно обесценена, всё смешивалось в какую-то кровавую кашу, к ужасу европейцев и на радость **дьявольским** кремлевским властителям. Как хорошо рассказал всё это Иван Лукаш в своей книге «Дом усопших»: «безумный кошмар сковал всю Россию. И вот я всё думаю: Что же — **ТАКОЕ случилось в России??** Нет на земле злодеяния, которое не совершилось бы теперь у нас, нет такого самого гнусного преступления, самого подлого насилия и муки нестерпимейшей, ненависти невыразимой: убийства, греха, которые не познала бы теперь Россия! Стерлась в России **теперешней** **всякая** черта между "добром и злом", между Богом и диаволом и если **всё** позволено, если всякого убить **можно,** значит, никому никакого удержу, никакого закона по всей земле больше нет».

А Алексей Ремизов, как бы дополняя это, говорит... «И настал повсюду **такой ужас,** будто сама земля вопила к Богу. — «Господи Боже» стонала земля «устала я измучилась, — топчут, режут, грязнят... **кровью всю меня** залили! Нет моих сил больше терпеть... Позволь, Боже, потрясусь, — сброшу с себя эту **проклятую ношу!»**

Это всё мы узнали со временем «потом», а всю эту мою последнюю длинную поездку по России — **мы верили еще в то,** что это лишь **«временно»** — и вот вновь все наладится — каким то **чудом** — и старая жизнь вступит в свои права. И не одни мы, так называемая «интеллигенция», это думали — часть народа, еще не тронутая пропагандой, но как будто видящая, куда все это ведет, так же жадно, как и мы, **ждали этого возврата к прошлой жизни.** — И мысли мои эти, последние в этом поезде, подтвер-

дились слышанными голосами из соседнего купэ — несомненно по манере разговора тоже солдата либо матроса: «Спокою больше не имею... на борьбу с братами — нет моего расположения — можете сажаться да грузиться с вашими чемоданами, полными золота да браллиантов наворованных — нет мово на то одобрения». Но другой отвечал: «Ну, и дурак ты есть — вовсе не наворованное, а с мертвых поснятое — зачем ему, мертвому то, «понсигар» золотой в семь каратов или какие перстни самоцветные — пальцы и так уже от гноя пораспухали — снять невозможно — а ножичком палец — чик! — вот перстень и ослобонился — мертвому ничего не надоть». Другой возмущенно: «Разбойник ты с большой дороги, вот что я тебе скажу. А вот не знаешь, какая тебе самому судьбина достанется... К мертвому ранче все с почтением подходили, убирали, наряжали, лампадку ему зажигали, а вы вот теперь — пальцы ему чик! — **Брат то ведь он твой тоже** — потеряли вы совесть, а во мне она есть еще, да все дни грызет да загрызает — не так жить стали, как надоть — и опротивели мне эти пулемёты да револьверты, да и твои блямбы наворованные — ух! Спохватишься когда либо тогда, как сам то на смертный одр престанешь». Другие укоряли: «Да замолчи ты, бисово отродье, думаешь, что и без тебя нам не тошно? — Но надоть новую ливорюцию поддержать — высшая головка требует». И вспоминается тот же чудесный старик с его мудрыми и чистыми речами... О! Русский народ! **Кто его поймет??** Ты, несчастный, который теперь (1970) стонешь под игом большевизма, тогда в 1917 г. в большинстве ты радовался... не предчувствуя своей горькой участи... БОЛЬШЕВИКИ!

Если даже можно их объяснить психологическими, экономическими и другими рассуждениями, доступными разуму, то ничем иным, как «случайностью» — («Судьба») нельзя объяснить того общего сцепления обстоятельств, **независящих** от людской воли, которые **помогли** большевизму и **разрушению** начинаний, могущих представлять очень серьезную опасность для них: в августе 1918 года произошло покушение на Ленина; выстрел был сделан **в упор** и тем не менее **Ленин остался жив!?**

А генерал **Корнилов** убит артиллерийским снарядом. **Маркова** уносит последний выстрел, выпущенный красными **«на авось»...** В «неподходящий» момент умирает **ген. Алексеев. Дроздовский** умирает от **пустяшной** раны в ногу. Гибнет Доблестный Герой — **Адмирал Колчак!** Целая «серия» смертей, которых **могло бы и не быть!** И в то же время — Ленин, которого бьют в упор с прицелом, остается, увы! — жить.

Повидимому есть люди, жизнь которых имеет **роковое значение.** Они **не могут** сойти с жизненной сцены, **пока** не выполнят д о к о н ц а предназначенную роль! Таков, например, был видимо и **Распутин,** переживший нанесенное ему какой то бабой в Сибири страшное поранение, которое стоило бы жизни 99 людям на 100. И есть явления не менее «роковые», направляемые какой то **СТРАННОЙ СУДЬБОЙ** и **никто не в силах** остановить её! Указывает на это цепь событий и обстоятельств самого разнообразного свойства (напр. трагическая гибель армий **Юденича, Врангеля!)**

Вдумываясь во всё это, убеждаешься в силе **ограниченности** человеческого разума, **НЕ МОГУЩЕГО ДАТЬ** точного объяснения всему происходящему и

понять! — Почему? Зачем? Как? Кто может ответить на эти вопросы? И, как сказал поэт:

Об исходе стольких,
Чья душа блуждает,
— жалобно спою.
О несчастных женщинах,
Чья душа НЕ ЗНАЕТ
про **Судьбу** свою.
И звучит протяжней
в городах унынья,
колокольный звон,
Ибо **беспрерывно** кто-нибудь да умер —
пулей поражен.
Громче с каждым днем
Мы **Судьбу** клянем!...

Или **внимательного чтения Библии:**

«Всему **свое время** и время каждой вещи под небом,
Время рождаться — и время умирать,
Время насаждать — время вырывать насажденное,
Время убивать — и время врачевать,
Время разрушать — и время с о з д а в а т ь,
Время молчать — и время говорить,
Время войне — и время миру.
Вот ненавидел я жизнь, потому что **противны** стали мне **дела**, которые делаются под солнцем. Ибо **всё** — **суета сует** и томление духа».

Переполненная такими разнообразными мыслями, вызванными всеми этими встречами в поезде и на станциях, я приехала в Николаев. Я вернулась **«домой»...** (Лишь **теперь**, в изгнании, оценили мы,

что значит «домой»!) Вернувшись из всего этого адского хаоса, особенно ярко почувствовалась вся прелесть, покой и тишина нашей русской провинции. Эти широкие, ровные, спокойные улицы, сплошь обсаженные белой акацией; при своем цветении наполняющей весь город чудным ароматом; эти небольшие красивые особняки, со своими садиками, полными цветов: душистой сиренью, розами, левкоями и такого исключительно пахучего цветка и нигде за границей неизвестного как «митиола». А внутри — как они особенно уютны! эти особняки с их картинами бессмертными Айвазовского, Репина, Левитана, Маковского, Коровина, большей частью наполненные старинной «дедовской» мебелью красного дерева или карельской березы. А сами «деды» глядят на нас со своих портретов в золотых рамах; — некоторые для нас, детей, были «любимыми», других мы даже побаивались, в сумерки — до тех пор, когда к свету красной или синей лампадки не присоединится мягкий, ровный свет стоящей лампы под розовым шелковым абажуром — тогда все «страхи» рассеивались и начиналось приятное занятие: либо игра на рояле, так любимого еще с детства Чайковского, либо розыски по книжным этажеркам интересной книги — и сколько их там было!... Все хотелось прочесть!... Эти фотографии, музыка, картины, книги знаменуют полную **связанность** со старым, дорогим и незаменимым — знаменуют **накопленность** русского **утонченного духа,** величайшей духовной культуры — **культуры русской,** которая по неимоверной силе своей тонкости в литературе, живописи, музыке и танцах **до сих пор побеждает Европу** — в них **Русское Сердце.** «Мне музыка Чайковского близка» (как говорит в своем красивом стихотворении Вл. Дитерикс-Дитрихштейн).

Николаев — любимый город не только нас, внуков и правнуков тех, кто создал и Черноморский флот и знаменитое Адмиралтейство, и заводы «Руссуд» и «Наваль», где строились постоянно военные корабли, т. е. создали вместе с Потемкиным и адмиралом Грейгом и сам Николаев — но этот небольшой и типично провинциальный город — хотя во многом и изысканный, накладывал на своих жителей глубокий оттенок какого-то особого идеализма — романтики и давший в тоже время и немало героев, так напр. Адмирал **С. О. Макаров** был из Николаева, знаменитый адвокат Карабчевский и др. А также и уроженцем Николаева, увы, являлся и Лейба Бронштейн, впоследствии знаменитый **Троцкий,** который учился в реальном училище вместе с моим братом, до его поступления в Морской Корпус. В Николаеве почти все магазины были еврейские, все знали друг друга, жили дружно и много было случаев, когда во время революционной бури многие офицеры или генералы были спасены евреями. Читаем в прелестном рассказе Семена Юшкевича «Домик сумасшедшого», как **в наше время,** в изгнании, в Париже, неожиданно встречаются два еврея, оба из Николаева. Они оба и их семьи отлично и широко устроены в Париже. Но вот эти два «заядлых николаевца», зашедшие в кафэ для обмена мнений, кончают тем, что оба **плачут,** вспоминая прежнюю жизнь в Николаеве и говоря: «не надо нам **вашего** Парижа — отдайте нам **наш** Николаев — пришел бы я туда — упал бы на колени и поцеловал бы землю». (Читая это здесь в изгнании, и мне захотелось с ними плакать).

Хотя я и дома, но тоска меня «съедает», **неизвестность,** — худшее что может быть!! **Где мой муж?** Успеет ли приказ о его переводе в Черноморский

флот дойти **до** ухода «Варяга» за границу?? Почтовая деятельность, как и всё теперь в России, нарушена и сколько сейчас томится молодых женщин, так же как и я, живущих — если так можно сказать — лишь от одного до другого прихода почтальона, в надежде получить весточку от мужа. Лишь через **3 месяца** узнала я, что приказ о моем муже дошел до Архангельска тогда, когда «Варяг» **уже ушел заграницу!** Жестокая и насмешливая **«рука Судьбы»** еще раз протянулась над нами... **опять разъединила,** а насколько никто не знает... Война, военный корабль!... И местопребывания его даже должно быть тайным.

Тоска... безнадёжная тоска... и неизвестность...

Брат мой приглашает меня погостить к себе в Севастополь. Еду туда, зная, что никто не сможет мне помочь «развеять тоску», как мой брат, т. к. мы всегда оставались очень дружны, многое одинаково чувствуя и понимая — особенно музыку и пение и часами проводили за роялем, упиваясь «Евгением Онегиным» и «Пиковой Дамой», которые мы знали почти наизусть, а также нашими чудесными русскими романсами. Затем наши бесконечные беседы на религиозно-философские темы и длинные прогулки по берегу моря. На этот раз всего этого было не много, т. к. мой брат постоянно уходил со своими кораблями в море.

Война! И время тянется... тянется... Что это такое — время? Не имеющий длительности миг? Миг — ничто? И вдруг слагается в часы, дни, месяцы. И эти часы, дни сливаются где то, «там» — в бесконечности и становятся **вечностью!...** И то что наступает и проходит — куда уходит? И то, что приходит — откуда идет? **Как загадочна жизнь!** А моя сейчас никак не может наладиться — неизвестностью

окутано всё. Жив-ли мой муж? Где он? — Ничего не знаю!! — Но вот наконец, в Одессе, на большом приеме у адмирала Покровского, подходит ко мне французский морской офицер и спрашивает: «Не вы ли мадам К.?» Отвечаю утвердительно. Тогда он говорит: «Я могу вам дать сведения о вашем муже, который ищет вас повсюду. Он — **лейтенант французского военного флота** и находится во Франции, в Бресте, на крейсере «Жанн д'Арк». У меня все поплыло перед глазами, я схватилась за сердце и в полуобмороке опустилась на кресло... Боже! Какая радость! Жив, здрав и ищет меня «повсюду»!! Дальше всё пошло для меня как в каком-то сказочном калейдоскопе. Этот милый французский офицер на другой день поехал со мной к французскому консулу и они там выдали мне французский паспорт, надеясь чере 2-3 недели устроить мне отъезд во Францию к моему мужу. Но **СУДЬБА опять решила иначе!** Французское командование под начальством генерала Ансельма, которое занимало Одессу вместе с румынами в 1919 г., вдруг **совершенно неожиданно и непредвиденно для всех,** начало вывозить свои войска из Одессы — румыны сделали то же и срочно была объявлена э в а к у а ц и я... Лучший пароход «Император Александр III» был предоставлен исключительно французским гражданам во главе с их консулом, который взял и меня на этот роскошный пароход. Не буду описывать то, что много раз было уже описано талантливыми людьми: — **ужасы эвакуации** и душу раздирающие сцены на пристанях, когда отходили один за другим до крайности перегруженные пароходы, а толпа оставалась покинутой на пристанях! Душа скорбела смертельно от боли за них и от горя покидать Россию и моих родных. Но в сердце жил луч надежды: «не надолго, вернусь скоро

вместе с мужем». Увы! **не вернулась никогда!** И стыдно было мне как-то занимать привилегированное место, но **«Судьба»** так решила, сделав меня совершенно неожиданно и сразу «французской подданной» — о чем раньше мне никогда даже и мысль в голову не приходила. Кажется на этом пароходе только одна я плакала горькими слезами, покидая Россию, я — «вновь испеченная» француженка, **сохранившая навсегда русскую душу и бесконечную любовь к своей Родине — России.** Какая нелепость все эти бумажки, подданства и. т. д. — **душу переменить нельзя!**

Погода все время была тихая, прелестная — море, как зеркало, и вот мы подошли к Константинополю. Когда входишь в Босфор, то берега то очень съуживаются, то расширяются, образуя как бы маленькие бухты, где густо гнездятся по берегам маленькие домики. Затем идут красивые постройки из белого мрамора — это Дольма Бахче, а в стороне на Мраморном море голубыми силуэтами виднеются Принцевы острова. Вот, она, старая Византия!

Берега Босфора очень красивы и цветущи. Наконец, видны перспективы «Золотого Рога» и дальше налево — азиатский берег Скутари, направо — Европейский берег и между ними голубая гладь морская, буквально кишащая судами, каюками, разными лодками, яхтами; дальше выростают сказочные кипарисы, окруженные цветущими кустами и деревьями. Задумчиво и гордо высятся кипарисы на турецких кладбищах и невольно вспоминается Пьер Лоти и могила Aziade, и всё это, объятое пламенным солнцем, играющим на мраморных кружевах дворцов, представляют действительно **волшебную** картину.

Вспомнилось, что Россия, как и другие страны, в свете знаний и разных проявлений культуры, была

многим обязана Византии и особенно Царьграду в РЕЛИГИОЗНОМ отношении. И с горечью взирала потом Россия, как султан Мухамед II, овладев Царьградом, превратил дивный храм Св. Софии в главную «Джамию» своего мусульманского царства. Храм Св. Софии велик, обширен, но изуродован теперь минаретами, прилаженными снаружи безо всякого внимания к внешней красоте. Внутри храма художественное соотшение тоже нарушено всякими мусульманскими переделками: ничего неозначающими фигурами и цветами. Позолота и рисунки выполнены настолько небрежно, что иногда мозаические изображения выступают сквозь позолоту, напр. над алтарем ясно видно очертание **Спасителя,** простершего свои благословляющие руки. Верующие говорят: «это означает, что храм **опять будет христианским».** На одной линии со Св. Софией еще минареты, еще мечети. Особенно красива мечеть Топ-Ханэ. Нам пассажирам хочется увидеть всё это поближе, но не тут-то было — на берег съезд запрещен. Ведь все теперь на положении «беженцев» и пока на берег их не пускают. Все мечутся, суетятся, но напрасно... Всё это пережитое и эта суета утомляют меня до нельзя и так хочется **отдохнуть** где-нибудь в тишине и покое... А на пароходе суета продолжается — всё время на катерах подъезжают какие-то оффициальные лица всех национальностей, толпы пассажиров устремляются за ними на палубу, но никому ничего не удается узнать, а тем более уехать. И вот в одно утро подошел катер, вышли оттуда итальянские офицеры и среди них о, сюрприз! — один мой хороший знакомый. Катер этот вернулся и после обеда, когда моему знакомому удалось шепнуть мне: «вечером поздно, мы опять приедем — возьмите лишь малень-

кий чемоданчик и я **постараюсь вас свезти».** Это ему удалось.

И вот я на берегу, в Константинополе, и хотя я отдохнула в хорошем отеле, но сейчас ни красоты Босфора, ни панорамы дворцов не останавливают моего внимания — одна мысль: поскорее бы добраться во Францию к моему мужу... Он ищет всюду меня, так сказал мне в Одессе его товарищ по оружию, значит, он так же рвется ко мне, как я к нему. На утро отправилась во французский Морской Штаб тут же на берегу и началось мое бесконечное хождение из комнаты в комнату, как это всегда бывает в оффициальных учреждениях: те посылают к этим — эти к тем и в общем никто сам ничего не знает... Во время этих бесконечных хождений, я с досадой заметила, что один и тот же французский морской офицер всё время попадается на моем пути. Мое плохое настроение еще больше увеличивалось оттого что я совершенно одна, в незнакомом городе (мелькнула мысль, что может быть было бы разумнее остаться на пароходе? Но нет, это намного задержало бы мой отъезд во Францию) даже без вещей (остались на пароходе), валюты у меня было очень мало — (при такой срочной эвакуации этот вопрос особо обострился), лишь маленький чемоданчик с некоторыми драгоценностями, а главное, измучилась от жары — **март 1919 года** — солнце жжет нестерпимо, а я в каракулевом пальто (как потом выяснилось, это то каракулевое пальто и сыграло роль!). Наконец я попала в кабинет начальника штаба. Выслушав меня хорошенько и посочуствовав мне в моих мытарствах в поисках встречи с мужем, он сказал: «Через 3 часа уходит во Францию пароход. Если вам угодно, я устрою вас на него — доедете до Марселя, а там с моим письмом «власть имущие»

помогут вам добраться до Бреста к мужу». И любезно пожелал мне удачи во всем. Но «удача» оказывается меня ожидала совсем **другого рода!** Молодой французский офицер наконец заговорил со мною в корридоре на **чистейшем русском языке** и объяснил, что, увидев в такую летнюю погоду даму в каракулевом пальто, он решил, что она русская и, зная об эвакуации и о разных трудностях, решил предложить свои услуги своей соотечественнице там, где ей нужно. Конечно, я очень обрадовалась этому, но дальше случилось что то просто чудесное и **невероятное** (в какой раз это уже было в моей жизни!) Я сказала ему, что через 3 часа уезжаю во Францию к мужу, морскому французскому офицеру, как и мой новый знакомый, мичман Полидоров. Но как только я назвала свою фамилию, лицо его изобразило такое удивление, что я просто остановилась посреди корридора. Он переспросил еще раз: «Так вы действительно м-м К.?» Стараясь его убедить, протягиваю ему мой пароходный билет, добавляя: «и вот через 3 часа, на этом пароходе я уезжаю к мужу во Францию». Тут он громко захохотал. «Как? Во Францию, к мужу... через три часа?» И «брякнулся» на стоявший вблизи стул, изгибаясь от смеха... Я смотрела на него, что называется «во все глаза», и у меня мелькнула мысль, не сошел ли он с ума — бывают ведь такие случаи да еще при солнечном накалении, как сегодня... Но дальше всё разъяснилось: — вскочив со стула, схватив меня за руки, он начал выкрикивать: «Да знаете ли вы, что вы **зря** поедете во Францию?» Сердце во мне упало — тут уже я «брякнулась» на стул... Зря? Что же это значит? Может быть мой муж умер? Может быть у него уже «другая» жена, о чем знает этот его товарищ, т. к. первые его слова, когда он узнал мою

фамилию, были: «Это мой большой друг». «Ради Бога скажите мне, в чем дело? почему мне «зря» ехать во Францию. И торопитесь, т. к. время бежит, мне дано еще зайти в отель расплатиться, а времени теперь до отхода парохода остается совсем мало». «И не суетитесь и не торопитесь — **никуда вы не поедете!»** Я — в ужасе — может быть действительно это сумасшедший? «Не задерживайте меня, иначе вы меня сгубите, если я опоздаю на пароход». — «Ничего подобного, это вы сами себя "сгубите", если поедете теперь во Францию». — «Господи Боже мой, да говорите вы наконец толком, не томите и поймите, что там мой муж!» — «Вот в том-то и дело, что **там** вашего мужа **теперь уже нет».** — «Да где же он, отвечайте ради Бога!» Но при его ответе я почувствовала состояние, как от землетрясения. — **«Ваш муж здесь».** Это совершенно неожиданное, невероятное сообщение подействовало на меня, как электрический ток. Я вскочила и буквально «вцепилась» в мичмана Полидорова. — «Здесь, вы говорите, здесь?», шептала я задыхаясь, «так ведите же меня немедленно к нему». Но не тут-то было! Мичман Полидоров как-то замялся, посмотрел на меня с каким-то оттенком жалости и изрёк! — «Да, он **здесь...** но он и **не здесь».** Терпению моему пришел конец... и слезы закапали из глаз. Увидя это, мичман П-в сразу же переменил тон, стал ласковый, заботливый и утешающий, а было в чем утешать! Опять **Судьба** дернула за какую-то веревочку, насмехаясь и издеваясь над нами!! Вот что я услышала от мичмана П. Когда «Варяг» пришел в Англию, то там узнали они с глубокой скорбью, об отречении Государя. Не поднимался, конечно, больше вопрос о военных действиях корабля. Командир, собрав своих офицеров, поставил их в известность о бесконечном горе,

потрясшем Россию, что особенно тяжко должно отозваться на офицерском составе корабля, очутившегося заграницей и не имеющего никакого будущего, посоветовал офицерам тотчас же заняться подыскиванием возможности наладить свою жизнь и сообщил, что Президент Французской Республики Пуанкарэ предложил несколько вакансий **во французский военный флот.** Предложение это приняли и мой муж и мичман Полидоров и еще 4-5 других офицеров. Мой муж, находясь в Бресте на крейсере «Жанн-д'Арк», всё время рвался в Россию, надеясь меня там найти и для этого он просил **назначить его в Константинополь,** как ближайшую французскую морскую базу к югу России, где он собирался меня искать. Назначение это состоялось. Его новый начальник, коммандан Бодри, очень полюбил моего мужа и, сочувствуя его горестям и желая помочь осуществиться его планам, найти меня, дал ему для этой цели **миноносец.** И вот — «здесь и не здесь». Два дня тому назад муж на этом миноносце отправился в Севастополь, рассчитывая что я вероятно нахожусь там у моего брата... **Какая вновь злая насмешка** «Судьбы» — два дня!... И опять разошлись, на этот раз именно, «как в море корабли»... Каждый на своем корабле, два дня тому назад, прошел мимо другого в Босфор, не воображая, что заветная цель **здесь,** рядом... Преследования **судьбы,** думала я, — может быть дальше будут еще худшие, ведь «он» ушел в Севастополь — в самое недро революции и всяких матросских бесчинств и убийств. Меня там он не найдет, но может быть найдет там **"свою" смерть?** Кто знает?! И слезы текли без удержу. Тогда милый мичман, взяв меня ласково под руку, вывел из штаба и привел в соседнее кафэ, говоря: «Первое что надо сделать, это при такой жарище

снять каракулевое пальто — **оно уже выполнило свою роль;** затем — чашка крепкого кофэ и дальнейшие разговоры, которые, я надеюсь, приведут вас вновь в хорошее настроение. Муж ваш только вами и бредит и рвется к вам всей душой, будучи уверен, что он вас всё-таки найдет. **Он уже всё приготовил здесь** для вас — прелестную квартиру и таких же людей, которые только и ждут вашего приезда, чтобы о вас заботиться и вас баловать. Кончайте ваш кофэ **и я сейчас вас отвезу туда».** Через пол-часа я сидела в очаровательной квартире с огромными окнами на Босфор, а из садика под балконом вьющиеся розы всё наполняли чудным ароматом. М-м Ионидес — милейшая хозяйка, заботливая хлопотунья, никак не могла прийти в себя. «Вот бедный м-р К., до чего он без вас мучился, до чего он **вас ждал.** Каждый день я должна была его утешать и подбадривать. Вот теперь вы приехали **без него** и подумать только: **два дня,** как он был здесь, всё для вас приготавливал, вот видите, даже букеты роз еще свежие на вашем туалетном столике.»

Невозможно рассказать всего пережитого мною за это время... Но товарищи моего мужа и добрые мои друзья, заполнившие теперь Константинополь после эвакуации, старались отвлечь меня от тяжелых мыслей и было отчего! — т. к. об этом миноносце **не было никаких сведений!**

В Константинополе в это время пошла «бесшабашная» жизнь — кутежи в ресторанах, театры, шантаны, вакханалия продажи русских драгоценностей — всюду музыка, веселые крики — как это было далеко от моего душевного состояния! Я нашла тогда себе утешение, но совершенно в иных условиях, — в маленькой русской посольской церкви. Это был конец Великого поста. И мысль возвращалась к

только что покинутой России: — как там сейчас проходят дни Великого поста? Я выросла в глубоко религиозной семье и имела веру непоколебимую — это мое самое большое счастье. Ведь религия имеет свои корни **во внутренней природе человека и в самом мировом порядке.** Но свет религий ведь блестит не с одинаковой силой на протяжении всей истории человечества. Он то меркнет, то вспыхивает с обновленной яркостью. Так и теперь у нас в России упадок религии. Хочется и надо считать его **временным.** Крестьянин верит в Бога, потому что он близок к природе, где во всем и во вся он видит «Десницу Божию». Земля, его постоянный труд на ней, все ее богатства — все результаты его работы, это всё — «Бог дал». Крестьянин среди своих полей чувствует себя хозияином, находящимся под покровительством «Хозяина Небесного». Это установленное миропонимание крестьянина и нарушить его **невозможно.** Это миропонимание приводит к тому, что он стремится к Церкви, к ее служителям, потому что крестьянин твердо верит в Бога.

И я твердо верю, что в эти тяжкие времена для России русское Православие, наперекор всяким ухищрениям, явит свой **НЕПОКОЛЕБИМЫЙ ЛИК.** Мы видим, как быстро, увы, разлагались и гибли все государственные устои, утрачивались все авторитеты, но Православие, к нашей безграничной радости, крепко-накрепко утверждено в глубинах народного русского духа. И здесь на чужбине маленькая эта церковь, **НАША ПРАВОСЛАВНАЯ,** является как-бы оазисом, особенно для нас, эмигрантов. И когда перед алтарем с древними иконами, при свете лампадок и свечей, выходит старенький батюшка и так проникновенно возглашает-взывает: «Господи и Вла-

дыко живота моего», то вся церковь сразу опускается на колени и из глубины души рвется вероятно, у каждого этот молчаливый вопль: «Ты, Господи, Владыко живота моего и всех моих дорогих близких, — спаси их, помилуй!» **«СПАСИ** и **верни** мне моего мужа» — страстно шепчу я, вся в слезах. Но не только нет моего мужа, **но и известий нет никаких!**

Наступает волшебная Пасхальная Ночь... Заутреня в переполненном посольском храме — как всегда с трепетом возглашаемые и трепещущими душами принимаемые самые светлые возгласы: «Христос Вокресе! — Воистину Воскресе!» и «друг друга обымем» — церковь и двор посольства наполняются радостными возгласами, поцелуями, пожеланиями. Много у меня приглашений «разговляться», но нет — раз не дано нам **быть вместе** в эту святую ночь, так я проведу её дома в одиночестве.

На другое утро милая м-м Ионидес превзошла себя саму в приготовлении для моих визитеров очень красивого и обильного стола. Всё как в России, такой же ambiance стараются создать для меня и мои многочисленные визитеры, но... **«не развеять мне грусти тяжелой»...** В самый разгар оживленного après-midi меня таинственно вызывает горничная в коридор и говорит: «Мадам вас спрашивает французский офицер, очень красивый, высокий, говорит, что он **ваш муж!!!»** Я вся дрожащая, «с туманом» в глазах, выхожу в вестибюль. Да, это он!... Я церемонно протягиваю руку, получаю такой же церемонный, **светский** поцелуй руки и говорю: «Прошу к столу» и открывая обе половинки столовых дверей, неестественно громко объявляю: «Господа, вот мой муж!» Не хочется рассказывать о всех этих демонс-

тративных приветствиях. Но все, к счастью, быстро разошлись — после чоканья бокалов с шампанским.

И ВОТ МЫ ВДВОЕМ!!

Минута, так долго, так страстно жданная! Сидим за парадным столом, друг против друга... Медленно падают лепестки увядающих белых роз на кружевную скатерть. Под лучами заходящего солнца искрятся остатки шампанского в бокалах и невольно вспоминается **другая,** подобная же картина на нашей свадьбе на «Варяге»... **1916 год,** а теперь **1919 год...**

Боже мой! ведь мы женаты уже **ТРИ ГОДА!!**

И из этих таких мучительных, долгих лет нашей **общей** жизни было всего лишь **ВОСЕМЬ** дней — **шесть** дней во Владивостоке и **два** дня отпуска в Николаеве. Мелькает мысль: ведь сегодня **Пасха,** а мы об этом с ним **забыли** от страшного волнения и смущения и даже «Пасхальным» поцелуем не обменялись!! Значит, смятение душ у нас полное! Смотрю со вниманием на человека, который сидит напротив меня — ведь это мой муж!... Уже **три года!!**

Что я знаю о нем? Что представляет из себя **теперь** этот человек? Я знала и любила его юношей, чистым; тогда мне казалось, что в смысле благородства и деликатности чувств никто не может сравниться с ним. Я уважала его, считала «избранной душой», а — теперь? — Загадка?! Ведь сколько за это время он видел стран, городов, людей, сколько впечатлений, встреч, а может быть и приключений? Наружно я вижу большую перемену в нем: нет больше юношеской жизнерадостности и лукавого блеска в глазах. Передо мною сидит не юноша, а мужчина... Смотрят серьёзно и очень вдумчиво его глаза, подернутые какой то дымкой грусти... И манеры стали сдержаннее и как будто даже поза во всем!... **И ЭТО МОЙ МУЖ!?**

Вижу, что он тоже пытливо, очень внимательно вглядывается в меня, ищет?! И несомненно тоже находит много перемен... Разлука, война, революция, бесконечные розыски друг друга, мрачные моменты, когда я уже опасалась, что я уже может быть вдова, не успевшая познать всю сладость общей жизни с любимым — теперь эмиграция... Разве всего этого не достаточно, чтобы изменить человека, а может быть и изломать женскую душу, к тому же такую исключительно впечатлительную, какою на мое горе меня наградила природа. Сидим молча и наблюдаем друг друга. Сколько прошло так времени? Минуты? Часы? Помню только, что почти уже совсем в сумерки он встал, подошел, тихо взял мою руку, прижался к ней нежным, но таким сильным поцелуем, «как прежде», и наклонившись заглянул мне в глаза, тоже тем «прежним» взглядом, который меня всегда покорял и прошептал:

— Родная, ведь это — же я!
Тот — же самый!...

ЧАСТЬ 2-Я

НА БЕРЕГАХ БОСФОРА

> **«СУДЬБА» — затейница**
> **Шалунья — часто злая**
> **Распределила так сама»...**

И начался **новый** этап нашей жизни: жизни **ВДВОЕМ!**

Вот мы и вместе! Но разве это **то,** о чем я так мечтала? Увы! так редко сходятся в жизни действительность с мечтами!... Муж мой состоит на Французской Морской Базе в Константинополе. Его непосредственное начальство — коммандан Бодри, уже раньше заинтересованный **нашей странной судьбой,** просил разрешения сделать мне визит; несмотря на все похвалы, которые мой муж расточал своему начальнику, я сразу же испытала ужасно неприятное чувство при первом контакте с ним, хотя к этому не было никакого повода, — наоборот, коммандан Бодри — типичный герой романов Мопассана — bon vivant et charmeur — устроил для нас, блестящий обед во французском морском собрании, где нас, как молодоженов, чествовали как полагается и просили ежедневно приходить разделять их «трапезу». Кроме того, коммандан старался доставлять нам всевозможные развлечения и удовольствия, но при условии, что он сам будет в них участвовать. Его великолепный автомобиль с нарядным шоффером — в шапочке с красным помпоном — почти ежедневно

останавливался возле нашего особняка, цветы, роскошные коробки конфект, а за ними — рыжеватая, остренькая бородка коммандана появлялись постоянно в моем салоне, с предложением каждый раз новых прогулок, развлечений и т. д. И мастер же был он придумывать всё это!

К тому же Константинополь со всеми его красотами давал много таких возможностей. Сколько дивных прогулок мы совершили на его автомобиле или на красивом, нарядно убранном каюке по Босфору, где феерические картины открывались перед нами, особенно при заходе солнца, освещающего Босфор совершенно необыкновенными тонами, одевая мраморные кружева дворцов в какие то светло-сиреневые покрывала, и мечети, и минареты, выделяя всей их стройностью на пурпурных перьях заката. Я знала всё это по читанным давно любимым авторам о Константинополе — Пьера Лоти и Клода Фаррера, но красоты действительности превышали все их талантливые описания. Коммандан разделял мою любовь к этим авторам и всячески старался дать мне возможность реально испытать всё то, что я читала в их книгах. При наших прогулках по Стамбулу, выбирал места, мне уже известные из читанного и после каждой прогулки был обязательный визит в знаменитую кондитерскую восточных сластей Хаджи Бекира, куда и «Леди Фалькланд» любила заходить («Человек, который убил», Кл. Фаррера).

Конечно, все эти экскурсии, прогулки по Босфору и т. д. нам с мужем очень хотелось проделывать лишь **вдвоем**, но... коммандан так всегда «напрашивался», что не было возможности ему отказать. Но иногда, когда удавалось его обмануть, мы с радостью «удирали» от него и тогда бродили, рука в руку по заброшенным, таким поэтичным турецким

кладбищам, где кипарисы стоят на страже у заброшенных могил, или плыли на нарядном каюке при чарующем лунном свете по Золотому Рогу думая иногда, сказка это или действительность?

Но вот мы стали замечать, что настроение коммандана стало как то изменяться — не было больше искренней веселости, он становился хмурым, раздражительным и его общество стало еще больше нас тяготить. Как то мой муж приходит со службы очень расстроенный и говорит, что в штабе получены донесения о том, что под Очаковым пойманы несколько лайб, якобы большевистские шпионы. Их пытались допросить, но тщетно и потому коммандан Бодри **посылает моего мужа** срочно на миноносце, в качестве переводчика в Очаков. Мы с мужем очень огорчились — **«как опять разлучаться?»** хотя он и утешал меня, что ведь это всего на 5-6 дней. Выбранили хорошенько заочно коммандана за то, что он посылает **именно моего мужа,** когда у него на Морской Базе имеются еще трое таких же офицеров со знанием русского языка и все **холостые.** Но ничего не поделаешь — служба, подчинение начальству.

Рано утром ушел миноносец, увозя моего мужа в Очаков а в 5 часов, как обычно, автомобиль коммандана вновь остановился у дверей нашего дома. В этот раз, несмотря на все его уговоры, я не поехала никуда. На второй день повторилось то же, а на третий я ему просто заявила, что, пока мой муж не вернется, наши общие развлечения не состоятся. Коммандан уехал ужасно недовольный и хмурый. На другой день разразилась страшная гроза; гром гремел беспрестанно, молнии своими огненными зигзагами всё время разрывали небо... Было темно и жутко, особенно для меня, которая всегда боялась грозы. Я забралась в гостиной с ногами на гро-

мадное кожаное кресло, закрыла глаза и погрузилась в какую то полудремоту, но через несколько времени мне «почувствовалось» чье то присутствие возле меня и, приоткрыв глаза, я с ужасом увидела совсем близко от моего лица рыжую бородку комманданa — он стоял на коленях перед моим креслом, пытался обнимать меня и страстно шептал: «cherie, cherie, наконец мы один и я могу вам сказать всё то, что уже давно стало самым главным в моей жизни... Я никого никогда не любил, но увидев вас, я почувствовал coup de foudre». Но как раз в этот момент раздался сильнейший удар грома, стекла в окнах задрожали и хлынул ливень, погрузив комнату в еще больший мрак. Я отпрянула в ужасе и от человека и от стихии, но вырваться не было возможности, т. к. я очутилась как бы в плену, сзади высокая спинка кожаного кресла, — впереди ненавистный мне человек, продолжающий всё больше с азартом свою речь. Чего, чего он мне только не наговорил, я старалась не слушать, отбиваться — ничего не помогало. «Мы предназначены друг для друга» уже всё более громким голосом говорил он. «Я съумею добиться вашего развода в 2-3 месяца, я создам для вас сказочную жизнь, мое огромное богатство позволит мне выполнять все ваши прихоти и капризы. Главное то, чтобы я мог быть всегда возле вас» и т. д. и т. д.

Я до того была возмущена всем этим, что начала кричать: «уходите сейчас-же вон отсюда! Я люблю своего мужа, а вас ненавижу, а теперь еще больше за эту подстроенную ловушку — это недостойно порядочного офицера» и т. д. и т. п. Тогда его достоинство к нему вернулось, он встал, вытянулся во весь свой высокий рост и уже спокойно отчеканил: «Мадам, вы еще неопытное дитя, которое мно-

гого понять не может, но знайте, что настоящая любовь преград не имеет или вы будете моей, **или мы погибнем все трое. Но без меня** нигде, никогда и ни в чем не будете иметь счастья!» (Увы! так оно и было!)

Я вскрикнула и еще глубже забилась в кресло; на мое счастье в это время быстро вошла милая м-м Иоnидес, квартирная хозяйка и этим все закончилось. На другой день вернулся миноносец с моим мужем. На этот раз я бросилась ему на шею, как бы ища защиты и как то ярко почувствовала «того, прежнего» из Владивостока.

Муж мой был страшно огорчен совершенно для него неожиданно **непонятным** изменением отношения к нему его начальника, коммандана Бодри. Это было какое то сплошное преследование, придирки во всем, служба на Морской Базе становилась просто невозможной. А для меня результаты всевозможных переживаний были еще хуже — **я очень тяжело заболела** странной болезнью. Масса докторов перебывало у меня, пробовали всякие лечения и **всё безуспешно.** Старушка хозяйка, гречанка, очень суеверная, грустно качала головой и всё повторяла: «Здесь врачи ничего не понимают, а потому и помочь не могут. **Здесь какое-то колдовство над вами происходит».** И действительно **очень странно** все это было. Я до тех пор всегда была страшно веселая, энергичная, хохотушка, вдруг стала просто каким-то полуживым автоматом, без всяких сил, без всяких желаний, молча и неподвижно лежала я целые дни на кушетке, даже не в состоянии читать или интересоваться хоть чем либо. Муж мой приходил в полное отчаяние, окружал меня самой нежной заботой, лаской, вниманием — ничего не помогало. Когда меня спрашивали «что я хочу» — ответ был один:

«тишины и покоя». Силы мои убывали всё время — я совершенно перестала есть и больше не хотела вставать с кровати. Все недоумевали, т. к. всякие анализы, исследования и осмотры врачей показывали, что мой организм совсем здоров... А хозяйка всё свое: «колдуют над вами»... Измучилась я от этого всего до конца и упросила мужа устроить меня во французский госпиталь, о котором много слышала. Это роскошное многоэтажное здание, окруженное парком, бывшее немецкое посольство (лифты, центральное отопление и весь новейший комфорт) — было реквизировано французским командованием исключительно для французских офицеров и их семейств. Из Франции была прислана плеяда лучших врачей, хирургов, инфирмьеров и всё это обслуживалось сестрами монашками Ордена St. Vincent de Paule в их широких белых наколках. Попав туда, мы сделались для них «развлечением» — говорю «мы», т. к. и мой муж, по нашему обоюдному желанию «не расставаться» получил «специальное» разрешение находиться там возле меня. Отвели нам огромную роскошную комнату — зеркальные окна от пола до потолка и большой балкон на Босфор. Обстановка вся в английском стиле, очень красивая мягкая мебель, ничего общего не имеющая с представлением о госпитале. Рядом такая же роскошная ванная. Все сестры во главе с их mère supérieure, а также и доктора баловали меня донельзя — «первые русские беженцы!» Пища была самая изысканная и каждый вечер приходили спрашивать, какое я хочу заказать меню себе на завтра.

После долгого недоедания в растерзанной России, всё это могло бы радовать и помочь поправить здоровье, но увы, несмотря на все усилия, лекарства, заботы и исключительный уход, здоровье мое

не восстанавливалось и врачи ломали себе голову — «что же это такое?» Мой муж не пропускал ни одного доктора, мало мальски известного, чтобы привезти его ко мне. В этом госпитале **нам** всё разрешалось. И Боже! Сколько этих врачей, всех национальностей, начиная от наших русских, перебывало у моей постели и никто не мог ничего понять, ни объяснить, а потому и помочь.

В эти тяжкие дни физических страданий и насильного одиночества, которого требовали врачи, мысли мои всё чаще и чаще возвращалась к дорогой покинутой Родине, тоска по ней и вновь и вновь встает этот мучительный вопрос о причинах русской революции. Еще в 1857 году император Александр II предупреждал, что лучше дать реформу **сверху,** пока она не придет **снизу сама.** Но 1905 год, уступки, сделанные Самодержавием, пришли уже слишком **поздно — власть опоздала.** Революция, начавшаяся в 1917 году, двигалась гигантскими шагами, среди моря флагов с надписями: да здравствует вооруженное восстание, «да здравствует демократическая республика» и т. п. Но всё же это могло быть не так страшно для власти, пока **основа России** деревня, крестьянство, оставалась спокойной. Но к сожалению революционная пропаганда шла уже там во всю и манифест 17 октября никого не удовлетворил, т. к. он не говорил о земле, но за то говорил о «свободах». Пропагандисты этим воспользовались и буквально вскружили головы деревне. К этому движению — **взбаламученному крестьянскому миру** присоединились разные национальности и то, чего они хотели — **расчленение России** являлось опасным для ее военной мощи. И еще две черты русского строя имели роковое значение для судеб русской государственности: примитивность общественной структуры

(как пишет В. Руднев) и резкий разрыв, издавна отделявший непроходимой пропастью тонкий, верхний, культурный слой от мощной по своей численности народной массы, и падение Самодержавия неизбежно должно было повлечь за собою безбрежный разлив народной стихии, больше ничем и ни кем не сдерживаемой. И вот наступил полный ХАОС на почве общего недовольства и ослабления власти, а у революционеров была уже установлена заранее программа, назначены сильные вожди и имелись большие материальные возможности. Восходящая сила всегда имеет поклонников и тут как и было, и нашлось их не мало, увы, даже среди русской интеллигенции. Подробно старались понять трагедию Русского Народа не только русские писатели но многие иностранные; особенно интересна книга писателя и дипломата француза Гренара (Ferdinand Grenard. Ed. Armand Colin. Paris).

Невольно вспоминается красавец Ст. Петербург с его гордыми дворцами и гранитными набережными, созданными фантазией и волей Великого Императора Петра. Невольно мысль обращалась к другому Императору, Николаю Второму, которого в нашей **морской семье** не могли критиковать, но **любя и уважая** могли лишь страдать вместе с ним. Император Николай Второй часто сравнивал себя с Иовом Многострадальным, в день памяти которого он родился. Государь был прав, ибо всё его 22-летнее царствование прошло в исключительно тяжелых, а подчас НЕВЫНОСИМЫХ страданиях. Преждевременная смерть любимого ОТЦА, Ходынка с тысячью человеческих смертей, НАВЯЗАННАЯ Японская война; 1905 год и пылающая в войне Россия; взрыв на даче Столыпина, а потом и убийство его в мирной обстановке и многих тысяч самоотверженных, преданных

охранителей царского порядка и спокойствия страны, а главное — тяжкая болезнь так долго жданного и любимого сына Наследника и самой Царицы, полной всегда тревоги о нем, зная его **неизлечимую** болезнь. Задумайтесь над этой **жизненной Голгофой** одного человека!! А потом неслыханные издевательства после отречения над ним и всей Царской Семьей в Тобольске и Екатеринбурге — МУЧЕНИЧЕСКИЙ венец с любимой женой и юными НЕВИННЫМИ детьми в мрачном подвале Ипатьевского дома! Для нас, любивших Его, наш несчастный император представляется как «заколдованный царевич» старых русских сказок в борьбе со злыми Драконами. «Заколдован» кругом своих приближенных, старающихся всячески на Него воздействовать, особенно через Его любимую Супругу Императрицу Александру Федоровну, которая несмотря на свое искреннее желание НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ русскую душу и ее **народ** и от реальности и **необходимости смелых** решений отвлекала своего царственного Супруга к исканию МИСТИЧЕСКИХ связей с народом.

Заключенный в этот «заколдованный круг» Император НЕ МОГ отдавать себе ясный отчет о положении, создавшемся в правительственных кругах и о НЕОБХОДИМОСТИ многое **срочно** изменить. Будучи чрезвычайно **добрым и слабохарактерным, он всецело поддался влиянию Императрицы** и Ее приближенных, создавших катастрофу России. Но часто Его природная тонкость показывала Ему фальш и неискренность Его окружения. Читаем в Его Дневнике от 2 марта 1917 года: «всюду измена, фальш, обман»!! Как трагично звучат эти слова! И все же ОН **пытался** бороться, искать приток свежих, **новых** творческих сил вокруг Себя, но... влияние Императрицы было **сильнее** всего... и «заколдованный несчаст-

ный» Император всё больше и больше становился замкнутым, недоверчивым и разочарованным. К этому еще должно присоединить Его огромную скорбь об очень плохом состоянии здоровья Его сына Наследника и отсюда опасения невозможности передать ему трон.

Получалось впечатление, что Государь ИЗНЕМОГАЛ под тяжестью выпавшей на его долю ответственности, не чувствуя ни **нужной подготовки** в деле государственного строительства, ни сил для назревающих событий. И те, **кто любили** Государя, ПОНИМАЛИ тяготу его жизни и мучительно тревожились в неуверенности за будущее, усиливавшейся частыми поражениями **теперь** на военном фронте — следствие беспорядков и небрежности административных учреждений.

А в это время политические враги (как в сказках драконы) развернули во всю свою подлую пропаганду среди народа и особенно среди солдат и матросов и распространяли **гнусные** легенды о несчастной, в конец измучившейся и исстрадавшейся Императрице, скандальные истории о Распутине и т. д. и совершенно дискредитировали Идею Царизма в народных умах. Как говорит М. Бьюкенен в своих воспоминаниях, русский народ питает глубокое **отвращение** к войне, причин и целей которой он НЕ ПОНИМАЕТ. Запасные всё больше и больше сопротивляются отправке на фронт и таким образом боевые качества Действующей Армии **быстро понижаются.** С другой стороны, **экономические затруднения** возрастают и осложняют положение. Из всего этого можно усмотреть, что в ближайшем будущем Россия ДОЛЖНА БУДЕТ отвергнуть свои союзные отношения и заключит мир — СЕПАРАТНЫЙ. Должна будет! Но император — рыцарь своего слова и на это

не пойдет! Значит, **надо его свергнуть.** Эту то задачу и поставил себе г-н Керенский и его присные: свергнуть царизм и самим взять власть в свои руки и установить социалистическую диктатуру — то чего Керенский потом и добился — НА ГИБЕЛЬ РОССИИ и **на гибель его самого!** Самая элементарная мораль учит нас следующему: хорош или плох был человек, сердились ли на него при жизни или завидовали ему — ВСЕ СТИРАЕТСЯ пред **лицом СМЕРТИ** и остается только то, что было сделано этим человеком и память о нем живет только **в хорошем.**

Не подобает оставшимся в живых судить Императора Николая Второго, а лишь почтительно склонить головы перед таинственным, самым великим актом, для всех неизбежным. Так учит человеческая мудрость и **глубокие люди выполняют это.** Да падет ПОЗОР на головы всех тех, кто смеет чернить и оскорблять священную память **замученной** Царской Семьи и нам, недостойным, остается лишь возносить к Престолу Всевышнего горячие молитвы о них, ожидая, что **Русский Народ одумавшись** и просветлев, **поймет,** что это были истинно Великомученики и даст им в сердцах соответственное место.

Терзаясь всеми этими мыслями, я всё больше и больше слабела и как то совершенно отрывалась от жизни... Мой муж был в полном отчаянии и врачи посоветовали ему возвращаться «домой», т. е. в госпиталь лишь поздно вечером, дабы оставить меня в «абсолютном покое». А старая гречанка всё повторяла «колдовство»!!! Но в один день муж явился домой около 5 часов. Это был обычно час моей ванны и я уже приготавливалась к ней — сидела в кресле лишь в одном японском халатике с распущенными волосами. Мой муж радостно «влетел» в комнату, торжественно размахивая большим конвертом, на ко-

тором я узнаю почерк моего брата и это — его первое письмо после эвакуации, действует на меня «магически». Я с радостью выхватываю письмо из рук мужа, усаживаю его в кресло, а сама взбираюсь к нему на колени и мы оба вместе жадно пробегаем строки письма; и от восторга я его время от времени целую, болтаю ногами, туфельки мои «бабуши» уже валяются посреди комнаты... В это время стук в дверь и т. к. в этот час сестра Вероника приходит всегда, чтобы «брать меня» для ванны, я отвечаю: «entrez», не поворачивая головы, но вдруг, вместо обычно тихо отворяющейся двери под мягкой рукою сестры, мы слышим шум распахиваемых обеих половинок наших дверей, оборачиваемся и... буквально замираем!!! перед представшей перед нашими глазами картиной: масса народу — впереди всех в красной шелковой мантии стоит **важный католический епископ,** сзади него несколько прелатов — все в красном облачении, за ними несколько кюрэ в кружевных кофточках, дальше наш главный доктор со своими «штабом» и mère supérieure со своими невинными монашками, отпрянувшими в ужасе от наших дверей при виде этого «tableau vivant», которое предстало перед их глазами!!!

Мне сначала показалось, что может быть всё это мне «мерещится». Но через несколько секунд незнакомый мягкий, но властный голос произнес: «bonjour, mes enfants» и импозантная фигура епископа начала приближаться к нам... Я быстро соскочила с колен моего мужа и пыталась как следует запахнуть мой прозрачный халатик и начала искать свои «бабуши». Ужас стал понемногу проходить, когда я увидела так ласково улыбающееся лицо епископа, который продолжал: «я посетил этот госпиталь и mère supérieure рассказала мне много о вас, об

исключительных обстоятельствах вашего брака и о всех ваших переживаниях и волнениях и я пришел познакомиться с вами и объединиться в краткой молитве о возвращении здоровья (и, повернувшись ко мне, добавил) «pour cette charmante enfant» — мне было 23 года. И милостиво протянул мне свою руку, а затем и моему мужу. Наше же **дальнейшее поведение** вызвало у него уже совершенно широкую улыбку, т. к. мы, не будучи в курсе обычаев католической церкви, вместо положенного по уставу поцелуя большого аметитового кольца, находящегося на его руке, просто взяли эту руку, как у обычного посетителя и крепко пожали... Вообразите удивление, смущение и может быть и возмущение всей свиты!! Сам же епископ **расхохотался** и произнес: «mais ils sont vraiment charmants ces enfants» Но я, увидя расстроенное и все в красных пятнах лицо нашей милой mère supérieure, поняла, что мы, не подозревая, наделали каких-то ужасных gaffe'ов и убежала в находящуюся рядом мою ванную комнату, торопясь там хоть кое как привести себя в порядок и через дверь я слышала голос епископа: «Конечно, вы православные, и не знаете наших обычаев; я очень хотел бы минутку поговорить с вами — дайте мне стул». Мой муж быстро придвинул ему удобное кресло; я в это время возвратилась уже в более или менее приличном виде, а епископ, удобно усевшись возле балкона, с удовольствием вдыхал свежий воздух, любуясь Босфором и, обратившись к своей свите, сказал: «в виду того, что наш сегодняшний день был очень наполнен и потому утомителен, да еще в связи с такой жаркой погодой, я позволю себе, а одновременно и вам всем пол-часа отдыха» и обращаясь к mère supérieure попросил у нее ласково «чашечку чая для всех нас троих»...

Оказывается, это был знаменитый **Монсеньёр Дюбуа, парижский кардинал, приехавший как представитель Франции, со специальными политическими** полномочиями, и генерал Франшэ д'Эспрэ, командующий всеми французскими войсками в Турции устроил ему «царскую встречу» в Константинополе. По всей Галата и Пера с раннего утра войска стояли шпалерами, всюду триумфальные арки, учащиеся с флагами и букетиками цветов, всё приветствовало его по всему его пути и было точно распределено каждые пол-часа его маршрута. Проезжая, уже после обеда, возле Таксима, где находится французский госпиталь, Монсеньёр узнал случайно, что там сейчас умирает от кризиса уремии один его большой друг. Монсеньёр пожелал тотчас же его навестить и весь оффициальный кортеж прибыл в госпиталь и ожидал Монсеньёра в парке. Выйдя из палаты своего умирающего друга, Монсеньёр был очень расстроен, что еще больше усилило его усталость от всего этого дня, — мельком спросил у mère supérieure, нет ли у нее еще каких-нибудь «особенных» пациентов. **И этим** я была обязана **чести его визита**, mère supérieure **не** знала, что мой муж уже «дома», вернувшись сегодня гораздо раньше, чем обычно, и тем более она уже никак не предполагала, какую «картину» застанет в моей комнате Монсеньёр.

Но к общему удовольствию всё закончилось преотлично. Монсеньёр просидел у нас более часа — (воображаю, как злились распорядители оффициального кортежа за такое опоздание, не предполагая, конечно, **чем** оно вызвано). Он любезно и милостиво нас расспрашивал обо всём и, собираясь уходить, после краткой молитвы сказал: «Начиная с сегодняшнего дня, я вас рассматриваю, как моих **личных друзей** и немного, как **моих детей** и прошу вас обра-

щаться ко мне совершенно не стесняясь **по всякому поводу,** который вам будет нужен». И вновь любезно протянул нам свою руку, на этот раз пожатия с нашей стороны не последовало, но, как полагается «ритуальный поцелуй» в красивое аметистовое кольцо, чему Монсеньёр засмеялся и сказал: «Ну, вот, видно, что вас теперь успели просветить».

Это происшествие, совершенно анекдотически невероятное, всех очень рассмешило и, как мне потом говорили, рассказывалось во многих приходах во Франции.

Жизнь шла своим темпом.

Служба моего мужа под начальством коммандана Бодри стала совершенно **невозможной,** и здоровье мое никак поправить не могли! По этим двум важным причинам мы решили уехать из Константинополя, чего так нам не хотелось, считая что **здесь мы ближе** к милым родным берегам и строили иллюзии, как и все остальные в это время, с Божьей помощью возможно поскорее **вернуться в Россию!** Увы! Трижды увы!... В Россию вернуться СУДЬБОЮ нам не было дано! Мой муж просил о переводе опять в Брест. -- Суровый отказ коммандана Б.! Тогда мой муж в отчаянии подал ему рапорт об **отставке.** Ответ вновь отрицательный. Это уже начинало становиться для нас нестерпимым, тем более, что assiduités от коммандана Б. были возле меня постоянны; я просила доктора оффициально **запретить все визиты ко мне,** желая оградить себя совершенно от этого человека. Но почти ежедневно «кто-то» инкогнито присылал на мое имя в госпиталь или чудные цветы или роскошные фрукты, или конфекты и т. п. Я, предполагая **кто именно** этот «кто-то» и не желая усугублять огорчения мужа, просила mère supérieure раз и навсегда, никогда да-

же не приносить в мою комнату ничего из этих «приношений», а сразу же брать всё в ее распоряжение для других — кто пожелает.

Наконец, уже больше у нас не хватало терпения, — и вот тут-то доброта и ласковый визит **Кардинала Дюбуа** помогли нам получить отставку мужу моему от французского флота и лишь таким образом освободиться от совместной службы с этим тяжелым человеком, комманданом Бодри, но я, потерявшая свое здоровье по каким то «странно-таинственным» причинам, непонятным целой плеяде лучших докторов, — с ужасом думала, что может быть действительно права моя старая квартирная хозяйка гречанка и я втянута заочно в цикл какого-то колдовства? Ведь столько есть **таинственного** в жизни людей, да и в каждом человеке... Почему до этого преследования меня комманданом Б., до его угрозы я никогда раньше не была так больна? Почему теперь ни медицина, ни любовь моего мужа ничто мне не может помочь? **Кто ответит на все эти «почему»??** И очень часто появлялась мысль о смерти... и ужасала меня... Может быть, этот «ужас» можно объяснить тем, что мне было всего лишь 23 года и жизненная дорога повидимому могла быть для меня очень благоприятной... СМЕРТЬ... Нет в мире человека, который над этим не задумывался бы... и не искал бы всюду, где только можно, ответа и объяснения. Годами и я тоже была этому очень подвержена — искать все дальше и дальше. Религия и моя глубокая вера всё же меня не оставили. Очень много книг я прочла на эти темы и особенно внимание мое остановилось на замечательной книге Д. М. Мережковского «Наполеон — Человек».

«Вот уже в продолжении почти двух столетий многие признали его «гениальным» и Виктор Гюго

говорил о нем: «от Ангелов это все у него или... диаволов — кто знает? Но сам Наполеон в своих дневниках, в своих беседах с близкими друзьями говорил, что им властно распоряжается во всем какая-то сила — Судьба — Случай, управляющий миром или»... **ЧТО-то** Высшее. «Великий Двигатель человеческих дел?» Как то Наполеона спросили: «Вы фаталист?» «Ну, разумеется, я был всегда фаталистом. Судьба — надо ее слушаться... Судьба неотвратима... Что **на Небе** написано — написано... Наши дни ТАМ сочтены...» (и это говорил Наполеон!) — Человек Рока, l'homme de Destin — так называл Наполеона после Маренго австрийский фельдмаршал Мелас. Наполеон утверждает **по собственному опыту,** что «Рок», как живое существо влияет на чужую мысль, чувство, слово, дело его, на каждое биение сердца. Когда многочисленные покушения на жизнь Наполеона оставались **безрезультатны,** он всегда оставался спокойным и говорил: «значит, убить меня **тогда** было **невозможно»** (мы видим, что так было с Лениным, с Распутиным и др.). — «Значит, **тогда** я еще **не** исполнил волю Судьбы, но как только я достигну цели, **назначенной мне Судьбой,** я тогда стану бесполезным и атома будет достаточно, чтобы меня уничтожить **НО ДО ТОГО** все человеческие усилия уничтожить меня НИЧЕГО не сделают! Когда же наступит "МОЙ ЧАС", то конец мой и свершится». Вот чем объясняется полное спокойствие Наполеона при всех битвах и покушениях на него. Наполеон писал брату своему после Ватерлоо: «рядом со мной, впереди, позади, всюду падали люди, а **для меня** — ни одного ядра». (Псалом: «Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизится»). «Падают мертвыми тысячи людей вокруг меня, а я попрежнему цел!» Кто то сказал о Спино-

зе: «человек, упоенный Богом», а о Наполеоне можно сказать: «человек, упоенный Роком», но в последних годах его жизни многое указывает на то, что для него было очень тяжко, что зная, **понимая** всё, он все же **не мог** сказать о себе, как Спиноза... а лицо его было полно грусти, обреченности Року...

«и тьмой и холодом объята
Душа усталая моя,
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях Рока
Под знойным солнцем бытия».

Он говорил: «Я никогда не был господином собственных движений Я никогда не был по настоящему самим собою... Мною всегда управляли обстоятельства и до такой степени, что когда при начале моего возвышения, во время консульства, мои самые близкие друзья спрашивали чего я хочу? куда я иду? Каждый раз я им отвечал: «Я этого и сам не **знаю**, ведет меня неведомая сила, а куда? Лишь **она** знает». Часто он говорил: «природа вещей, обстоятельства и т. д., чтобы **не употреблять всуе Святое и Страшное слово** — **Ему** должны отдать всё: отречение, смирение, покорность, жертвенность... Не гни Судьбу, а подчинись року»... И это говорил Наполеон, умнейший из людей... Ведь **и для всех нас** это закон непреложности.

«Не моя, а Твоя да будет воля!»

И этот гениальный человек пишет в своем дневнике 17-летним артиллерийским подпоручиком, в бедной комнатке казарм, при свете сальной свечки: «**Я один всегда** среди людей» — так писал о себе неизвестный Бонапарт в нищете. Так же говорил о себе на высоте своего величия уже Император Наполеон, вечно

меланхолично настроенный, как бы гонимый какой-то **неведомой силой** — все идет он и идет и остановиться не может... Он движется **не по своей воле** (подобно Агасферу или Каину). И Мережковский говорит: «путь его — **путь всего человечества».** И дальше в его дневнике молодости: **«Один я** в мире, один среди людей, как на необитаемом острове. Как люди низки, подлы и презренны! Как они далеки от природы! А надо слабость тела **побеждать силою духа.** Раз я знаю, что **смерть** вот-вот закончит всё, то серьезно беспокоиться о чем либо — просто глупо». А потому император в боях всегда спокоен. Люди благодарны тому, кто учит их жить, но еще больше благодарны тому, кто учит их УМИРАТЬ. И Наполеон говорил: «Надо человеку научиться выйти из своего "я" и войти в **бессмертное,** чтобы достигнуть **того последнего мужества,** которое **побеждает страх смерти.** Тогда освобождается человеческая душа от рабства **тягчайшего страха СМЕРТИ».** Так говорил Наполеон, которого называли **«учитель мужества»** и этим мужеством и своей необыкновенной силой магнетизма он достигал того, что его солдаты, обожая его, возбужденные его присутствием, со своей последней каплей крови, вытекающей из их жил, кричат в экстазе: «да здравствует Император!» Это являлось как бы следствием того, что говорил Наполеон: «надо хотеть жить и **уметь умирать,** надо чтобы солдаты умели умирать и **каждому человеку** надо быть солдатом на поле жизненных каждодневных сражений, чтобы победить последнего врага — СМЕРТЬ».

Возвращаюсь к своим воспоминаниям о своей жизни в Константинополе. Мы решили уехать во Францию, в Париж к знаменитому профессору Бабинскому, надеясь, что он меня вылечит — ведь мне

было всего 23 года! Молодость, вполне здоровый организм, любовь и заботы мужа, были крупные факторы, позволяющие нам надеяться на мое выздоровление. Трудность предстояла все же большая в том, что мужу моему, по приезде во Францию, надо было заняться сейчас же поисками службы или занятий, т. к. к его горю ему пришлось покинуть его любимую морскую службу, где ему предстояла хорошая карьера, благодаря знанию многих языков и образованию инженер-механика. Из за коммандана Б. он лишался всего и вновь надвигалась нерадостная забота о приискании службы и о материальном устройстве нашей будущей жизни.

Для поездки во Францию мы выбрали хороший русский пароход «Иерусалим», т. к. капитаном его был Ал. Мих. Глинский, бывший приятелем моего мужа. Накануне отхода парохода мы уже погрузились на него, где получили чудную каюту с непосредственным выходом на палубу и балкон. Муж мой, устроив меня покомфортабельнее, все время был чем то озабочен и несколько раз съезжал на берег. За завтраком, в день отхода парохода, капитан Глинский говорит моему мужу: «Константин Романович, не съезжайте больше на берег, т. к. **в три часа я бесповоротно поднимаю якорь** и выхожу в море». Сейчас-же после завтрака муж, проведя меня в каюту и целуя мне руку, говорит: «Послушай, дорогая, мне надо, мне НЕОБХОДИМО вновь побывать на берегу; не волнуйся и не беспокойся, обещаю тебе, что всё будет хорошо». Я пыталась его отговорить, ничего не помогло. Один ответ: **«на полчаса мне необходими побывать на берегу».** Уехал.

Прошло полчаса, прошел час, прошло два часа — его всё нет. На корабле суета — полный «аврал», как и всегда перед уходом. У меня на душе тоже «ав-

рал»... Бегу на капитанский мостик, умоляю Глинского задержаться еще хоть немного, но капитан в ярости — уже без десяти три, а он известен всегда своей пунктуальностью, но по своей обычной доброте, видя мои слезы, обещает задержаться на полчаса. И вот я в панике на палубе «Иерусалима», совершенно готового к отходу во Францию, мои взоры не отрываются от берега, мое сердце трепещет, в голове, как всегда в трудную минуту: «Господи, помоги!» Но моего мужа нет... и нет. И вот уже и третий звонок капитана в кочегарку, слышу как **поднимается якорная цепь!** Слышу вздрагивание корабля, шум волны под кормою... **«Иерусалим» уходит в море...** И я на нем **одна.**

Мой муж **ОСТАЛСЯ** на берегу... а у него все наши документы, визы, билеты и деньги... В горьких, безудержных рыданиях падаю на диван в кают кампании — к счастью она пуста, все пассажиры наверху, любуясь красотами Босфора, а для меня сейчас всё это не существует.

Боже! **Когда же наконец окончатся** для меня все муки?

И думаю: **«первый** мой проход по Босфору из Одессы — эвакуация. Я была **одна** и в неизвестности. Теперь — **последний** проход через Босфор и со мной **то же самое»... Вот и пройден уже Босфор!!** «Иерусалим» выходит **в открытое море!!** И начинает **увеличивать ход.** С каждым поворотом его винта будто бы мне в сердце тоже ввинчивается винт!! Мое отчаяние достигло своего апогея!!! Но что это? Пароход как будто бы стал **замедлять ход** — нет, не может этого быть — это мое больное воображение!! В это время вбегает один из младших помощников капитана Глинского, торопливо меня ищет и найдя быстро говорит: «капитан меня прислал к вам, что-

бы вас успокоить, **нас нагоняет адмиральский катер, на нем ваш муж** и позывными просят **остановить пароход!** что наш добрейший капитан, зверски при этом ругаясь, сейчас и выполняет!!»

Через 20 минут мой муж на палубе «Иерусалима», и я в его объятиях. Публика аплодирует, но он быстро меня увлекает в нашу каюту, там торжественно передо мною раскланивается, говоря: «жив, цел, невредим и... вознагражден» — и протягивает мне большой лист белой бумаги, где я вижу напечатанный entête, заголовок: «Российское Транспортное Пароходное Общество». Читаю дальше:

«Контракт, по которому Лейтенант К. приглашается этим Обществом в качестве **Главного Инженера во Франции сроком на 5 лет** с жалованьем и %%»... т. д.

И муж, нежно целуя меня, шепчет: «вот **причина** моей задержки на берегу. Теперь я могу быть спокоен за твой завтрашний день и жизнь материальную во Франции».

«Господи, услышал Ты меня», мелькает первая мысль в моей голове. Затем он бежит на мостик и после бурных ругательств Глинского, слышен его звучный голос: «Ну, и молодчина же этот Константин Романович! Идите все в кают кампанию и ждите меня», а старшему помощнику: «Заменить меня пока на мостике — надо же вспрыснуть это все шампанским!» Всю тоску, смуту у меня как рукой сняло — душа полна радости и все веселятся возле нас, а кто рассказывает анекдот, как еврей, впервые совершая морское путешествие, попал в сильную качку и, очень страдая, всё время кричал: «Господин капитан, остановите пароход!»... и анекдоты и частные лица говорят, что этого **никогда** не бывает, а я теперь могу сказать: **все** бывает в жизни.

Дальнейшее путешествие — чудесное.

Тихие, солнечные дни, море как зеркало, все милы ужасно, а особенно мой муж — ведь это наше **первое,** можно сказать, **«свадебное путешествие»** после трех лет, прошедших после венчания на «Варяге». (Скончался потом бедный К. Р. ужасной смертью в Аргентине).

Бедный «Варяг»! Часто мои мысли с тоской о нем возвращаются к нему. Приял он свою настоящую **последнюю смерть** (т. к. после его **первой** смерти было его «воскресение» во Владивостоке) — теперь в Ливерпуле, в доке, в чужой стране — на кладбище кораблей, где ржавчина постепенно съедает его и где теперь кроме пароходных крыс у него нет других пассажиров.

ОН — наш гордый «Варяг», который «не сдался врагу»...

И у людей, как и у вещей, как и у народов — **своя Судьба,** свой час. Но как оказалось потом, память о нем жива даже и во Франции. Через несколько дней показались берега Франции и мы прибыли в Марсель. И там, во Франции, через 30 лет опять я услышала песнь о «Варяге» «Врагу не сдается...» о чем расскажем дальше, в 3-ей части.

ЭПИЛОГ

(который может быть назван «Неумирающий Варяг»)

К сожалению я не имею возможности написать 3-ю часть моих записок, как это раньше предполагалось.

Скажу лишь вкратце: предсказание моей няни о «настоящем» суженом исполнилось: — через много лет «Судьба» свела меня вновь с «первым севастопольским лётчиком» и позволила нам «на закате наших дней» соединить наши жизни»; при этом мы ясно увидели, как был прав Платон, говоря о том, что «у каждого человека **есть своя половина»,** но как трудно её найти в мировом хаосе! Но зато найдя — человек может сказать: «я нашел свое счастье в полной гармонии и понимании другого». Увы! Это длилось не долго — безжалостная смерть через 10 лет унесла моего любимого друга-мужа...

Оглядываешься вокруг и видишь — какая масса родных и друзей находится уже **«по ту сторону»** и чувствуешь, что приближаются и «свои сроки»... За мое 45-летнее пребывание во Франции, много, очень много пронеслось событий, всяких — и тех, которые называются «чудеса» и очень много и грустных, но были и радостные; и первое из них это то, что мне **вновь пришлось узнать о «Варяге».** Двенадцать лет тому назад, проводя лето под Ниццей в горах, в Левансе — в имении с чудным сосновым лесом, однажды утром, о чудо!! я услышала **вновь** песню о «Варяге» и пели ее трое детишек, маршируя с палками, как ружья, — ну, просто так же, как много

много лет тому назад в родном Николаеве. Оказалось, в одном из домиков в лесу жила «бабушка» с этими тремя внуками и когда я познакомилась с милейшей Ольгой Ивановной, она рассказала мне, что **ее дед** был боцманом на «Варяге» — отсюда и сохранился в ее семье культ «Варяга».

Затем в Ницце дважды: в 1965 и 1967 году приезжали из Москвы хоры матросов со своим оркестром — давали концерты в Thêatre de Verdures и всегда пели песню о «Варяге», значит, можно это назвать «Неумирающий Варяг»... Хочется верить, что когда-нибудь будут петь эту песню на русском военном флоте, когда вновь на мачтах поднимется его **настоящее знамя**

АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ.

Ницца, 1970 г.

Мичман К. Р. Курилло и боцман Мороз на «Варяге» в 1916 г.

КАПИТАН 2-ГО РАНГА СТАНИСЛАВ ФАДЕЕВИЧ ДОРОЖИНСКИЙ, ПЕРВЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЛЕТЧИК ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ — 1909 г...

(Pilote de France N.° 127)

Бил истинным пионером Русской авиации. В свое время его называли «Русский Линдберг». Начал свое образование в Царскосельском лицее, закончил в Морском корпусе, был произведен в мичмана 6-го мая **1901 г.,** (его два младших брата были тоже морские офицеры). Но, началось его образование дома — где им руководил с раннего детства англичанин-гувернер, который дал ему не только безукоризненное знание английского языка, но и многое другое. (Станислав Фадеевич говорил свободно на 5-ти языках). Этот молодой англичанин был восторженный поклонник книг Жюль-Верна и передал это своему юному воспитаннику. Они оба проводили много часов за чтением, рассматриванием и вырезыванием из многочисленных иностранных журналов всего, что касалось «Новых достижений», особенно «полетов под облака». Страсть эта осталась навсегда у Станислава Фадеевича.

Молодым мичманом в 1904 году он кончил по 1-му разряду курс в Учебно-Воздухоплавательном парке Военного ведомства, находившемся в Царском Селе и летал на воздушных шарах. В 1905 г. плавал на вспомогательном крейсере «Русь» — Воздухоплавателем.

В 1909-ом году 5-го июля назначен в Севастополь,

заведующим Воздухоплавательным парком Морского ведомства.

В 1909-ом году **25 сентября** командирован за границу во Францию, где в 1910-ом году, летом получил диплом лётчика Французского Аэроклуба за № 127, на аппарате «Антуанета» выдержал все испытания. По указу Морского ведомства приобрел для России **первый аппарат,** который сам разобрал и в разоборанном виде привез в Севастополь. На этом моноплане «Антуанета» и происходила вся работа Русской авиации: обучение нижних чинов и практические работы. Это была **«Заря» русской авиации.** На этом же аэроплане, собранном в Севастополе самим Дорожинским, после его привоза из Франции, 10-го Октября 1910 года, Станислав Фадеевич Дорожинский совершил **первый полет над Севастополем и над эскадрой,** стоявшей на рейде. Восторг был всеобщий.

1-го Ноября — Городская Дума чествовала в своем зале и наделила молодого лётчика большим нагрудным и меньшим именным жетоном, которые находятся теперь в музее. С тех пор он стал знаменитым.

В 1911 году — 2-ая командировка во Францию, где в то время происходили испытания нового типа аэропланов. «Вуазэн» разбился. Лётчик Дорожинский остался жив чудом, но пролежал **3** месяца в госпитале в Париже, со многими переломами костей. После лечения продолжал испытания на «Вуазэн». Этот несчастный случай рассказан в Советской большой Энциклопедии. Узнав, что Станислав Фадеевич жив и здоров, американская газета «Тайм» прислала из Нью-Иорка своего корреспондента в Ниццу, куда также приезжали корреспонденты из Италии и Парижа. А Москва в лице своего директора музея Мо-

Лейтенант Ст. Фад. Дорожинский
и его авионетка «Антуанета»

солова, (уже **после смерти** Станислава Фадеевича Дорожинского, который 14 Апреля 1960 года скончался в Ницце), прислала несколько писем его вдове: «Ваш муж был **национальным героем — Родина им гордится** и мы просим прислать его портрет нам, который мы поместим в «Авиаторе» Московском музее, а также и его разные записи», что и было выполнено.

По возвращении из Парижа в Россию С. Ф. Дорожинский был назначен Государем Императором Николаем II-м сопровождать Великого Князя Александра Михайловича во всех его поездках в Англию и во Францию, на все заводы и авиационные центры для ознакомления, для покупок нужного материала и аэропланов, с целью создания авиации в России. Таким образом волею Божьей Великий Князь Александр Михайлович в 1916 году явился истинным родоначальником и вдохновителем Русской авиации и Создателем Русско-военно-воздушного флота, постоянным членом которого был по Высочайшему рескрипту назначен С. Ф. Дорожинский.

Великий Князь Александр Михайлович всегда приглашал С. Ф. Дорожинского к своему столу, очень сетуя на то, что Станислав Фадеевич — **идейный вегетарианец** — не разделял его меню. (Тоже влияние его гувернера англичанина, который 8-летнего мальчика однажды повез показать Петербургскую бойню; с тех пор на всю свою жизнь Станислав Фадеевич остался убежденным вегетарианцем. За это в морском корпусе в начале его часто сажали даже в карцер, но всегда бесполезно). Великий Князь Александр Михайлович очень ценил и дарил своей дружбой Дорожинского и наградил его великолепным золотым с голубой эмалью знаком «Русской Авиации», который теперь как и остальные **10 находятся в музее.**

Среди них выделяется один замечательный по красоте (работы Фабержэ) личный дар **Государя Императора** С. Ф. Дорожинскому — это лавровый венок, вылитый из платины, посредине большой золотой якорь — флот, по бокам 2 массивных золотых крыла — авиация, а внизу, также из золота, две подводных мины, т. к. за это время Дорожинский успел уже окончить подводные классы в Кронштадте и много плавал на подводных лодках. 6-го Декабря 1915 г. С. Ф. был произведен в капитана 2-го ранга; в 1916 году, получил назначение на должность Командующего 2-ой воздушной бригадой — Воздушной авиации Балтийского моря, и выехал в Ревель, где и начал формирование своей бригады, в чем ему помог по устройству канцелярии и других разных помещений и по хозяйственной части командир 1-ой бригады капитан 2-го ранга ЩЕРБАЧЕВ.

В Ревеле Дорожинский много раз проявил себя на высоте единичных и трудных опытов на разных контрольных единичных полетах для расширения авиационных возможностей. И на том же аппарате Фарман **перелетел залив,** который сплошь был покрыт льдом. По возвращении его на станцию ему устроили там торжественную встречу, а на другой день Станислав Фадеевич получил **телеграмму** от начальника Воздушной Дивизии **адмирала Дудорова:** «Поздравляю Вас с открытием Вами **новых воздушных путей».** И через много лет тот же адмирал Дудоров, **уже в эмиграции** прислал письмо из Флориды (Ам.) 18-го Марта 1959 г. в Ниццу: «Глубокоуважаемый и дорогой Станислав Фадеевич, спасибо Вам за Ваш ответ на мою просьбу — присланные справки о Вашей службе и сообщаю их Томичу В. М. — желая, чтобы он в своей книге о «Русской авиации» — отвел соответствующее место **ее истори-**

ческому интересу. Ведь Вы являлись **первым морским** и одним из первых военных лётчиков России, не говоря уже и о предыдущей Вашей **блестящей службе** в воздухоплавании. В ожидании от Вас и других интересных справок искренно Ваш (собственноручно) Б. Дудоров». **(Это письмо** адмирала Дудорова, а также все остальные **документы,** находятся у автора этих воспоминаний). Так закончилась авиационная и морская карьера и начались, как и для других, «скитания» по чужим краям в постоянных поисках «заработка» на жизнь свою и всей своей большой семьи. В конечном итоге судьба привела Станислава Фадеевича во Францию, знакомую и так им любимую. Вот тут развернулось много других талантов покойного Станислава Фадеевича, приученного с раннего детства строгим гувернером англичанином к постоянной работе, порядку, дисциплине и **большой скромности.** Обуреваемый всю свою жизнь ненасытной жаждой **знаний-достижений,** будучи человеком высоко-культурным, истинной христианской души, полным гуманитарных идей и пылкого желания провести их в жизнь, Станислав Фадеевич приобрел, сначала в кредит, великолепное имение в Пиренеях «Вега», где устроил 1-ый вегетарианско-христианский центр во Франции. Многие и многие во время войны и оккупации находили себе прибежище в его «Веге». Чтобы хорошо вести свое имение, С. Ф. Дорожинский добился **диплома французского инженера «агриколь»** (агронома) и работал все время одновременно и сам в своем имении. Он успел еще получить французский диплом **медика.** Имея большие способности к живописи, он стал любимым учеником знаменитого русского художника Константина **Коровина,** сделавшись потом его боль-

шим другом, и много помогал ему материально в последние его тяжелые годы в Париже.

Кончина С. Ф. Дорожинского была столь же необыкновенна и полна красоты и достоинства, как и вся его жизнь. Чувствуя приближение конца, он привел все свои бумаги в порядок — это было в «страстной четверг» — и сказал жене утром: «Я должен похристосываться с тобой сегодня», как бы предчувствуя, **что это было последнее утро его жизни.** Вечером, когда в церкви читались «Евангелия», он тихо перешел в другой мир.

Хоронили его в страстную субботу, гроб был накрыт большим Андреевским флагом.

СПИ СПОКОЙНО ДОРОГОЙ!!! ХОТЬ И НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ...

С. Дорожинская — Курилло.

Ницца, 20 Января 1974 г.